

ИПІАСЬ БОЛЬШІЙ.

ИППІАСЪ БОЛЬШІЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

Ни одно изъ собесѣдующихъ лицъ во всѣхъ діалогахъ Платона не изображается такъ выпукло и не подаетъ повода Сократу къ такой игривой, тонкой и колкой ироніи, какъ современный Платону софистъ Иппіасъ. Эта чрезвычайно характеристическая личность въ говорливомъ и шутливомъ обществѣ древнихъ Аѳинъ отличается прежде и болѣе всего хвастливымъ разглагольствованіемъ о своемъ всезнаніи. Въ самомъ дѣлѣ, чего не зналъ Иппіасъ! Что онъ былъ знатокъ политической риторики—объ этомъ и говорить нечего; этимъ болѣе или мене хвалялись всѣ софисты. Нѣтъ, онъ обладалъ также мудростію и ариѳметиста, и геометра, и астронома, и грамматиста, и музыканта (Protag. p. 315 B); онъ былъ силенъ и въ живописи, и въ ваяніи, и въ поэзіи (Vit. Sophist. p. 495 sq. Themist. Orat. XXIX, p. 345 D); онъ и шилъ, и вязалъ, и вышивалъ, такъ что иногда все, что на немъ бывало надѣто, по его свидѣтельству, мастерили собственныя его руки (Hippias. min. init.). Поэтому Темистій, въ означенной выше рѣчи, называетъ его *σβῆρον καὶ ἑσπεδὸν σοφίας*, то-есть кучею и роємъ мудрости. Притомъ объ этой всесторонней своей образованности Иппіасъ всегда говорилъ важно, съ педантствомъ, выражаясь высокимъ слогомъ и блестящими фразами, какъ будто въ его головѣ возсѣдалъ вдохновенный оракулъ и, по своему

снисхожденію, вызывался вести человѣчество въ недоступное простымъ людямъ святилище мудрости. Между тѣмъ весь секретъ такой всеобъемлющей эрудиціи у Иппіаса состоялъ лишь въ томъ, что его разсудокъ постоянно и строго держался области отвлеченія и обнаруживалъ свою дѣятельность только въ сферѣ общихъ мыслей о чемъ бы то ни было. Выступить за черту этой сферы, спуститься къ частностямъ знанія, затрогивать факты науки—значило бы для софиста потерять балансъ и упасть въ такую стихію, которая должна была обличить его въ безсиліи, въ невѣжествѣ, даже въ бездарности; потому что, не имѣя ни малѣйшаго понятія о подробностяхъ разсматриваемаго предмета, онъ становился внѣ всякаго права на наведеніе, или, лучше сказать, самое-то наведеніе и обвиняло его во лжи, показывая, что общія его положенія не заключаютъ въ себѣ никакого содержанія и не опираются ни на чемъ реальномъ. Посему, какъ ни старайтесь всѣхъ на свѣтѣ Иппіасовъ удерживать въ предѣлахъ недѣлимостей, среди осязательныхъ фактовъ знанія, — они съ безпокойствомъ будутъ порываться къ общему и, если хоть немного ослабѣетъ ваше вниманіе, тотчасъ уйдутъ отъ васъ на высоту отвлеченія и оттуда будутъ съ презрѣніемъ смотрѣть на копотливость вашего анализа. Это—философы безъ логики, ораторы—безъ риторики, филологи—безъ грамматики, историки — безъ фактовъ. Эти люди все знаютъ, ничему не учившись.

Другою отличительною чертою Иппіаса была нарядность и изысканность во всемъ,—не только въ подборѣ словъ и выраженій, когда онъ говорилъ, но и въ самой одеждѣ и убранствѣ. Согласно съ иконографіею Платона (Hipp. maj. p. 219 A. Protag. p. 315 B), мы должны представлять его человѣкомъ блестящей наружности, выступающимъ изъ ряда людей вообще чисто одѣтыхъ и обутыхъ. Онъ, какъ видно, былъ довольно красивъ и отъ природы, но естественную свою красоту заботливо возвышалъ еще искусствомъ, и всѣ мелочи его туалета показывали, что онѣ являлись не случайно и не по обыкновеннымъ правиламъ приличія, а придуманы, изысканы и вы-

ставлены съ педантствомъ, съ суетностью, съ тщеславіемъ, что въ подборѣ ихъ энергически работала душа и чрезъ нихъ какбы овецествлялась, въ нихъ находила необходимый фокусъ своей жизни и любимую точку отношеній къ міру внѣшнему. Однимъ словомъ,—Иппіасъ, прежде чѣмъ узнавали въ немъ софиста по языку и образу мыслей, при первомъ на него взглядѣ, являлся уже прекрасною куклою, вычурно причесанною и изысканно одѣтою, являлся такою искусственною фигурою, которая неволью обращала на себя вниманіе множествомъ изящныхъ бездѣлокъ—перстней на пальцахъ, флаконовъ и щеточекъ за поясомъ, прикрасъ на обуви и т. п.

Встрѣтившись съ такимъ разукрашеннымъ мудрецомъ и силеновски поглядывая на блестящую его наружность, Сократъ весьма естественно долженъ былъ сказать: прекрасный ты и мудрый Иппіасъ! и очень кстати могъ завести съ нимъ рѣчь о прекрасномъ. Нетрудно представить, что встрѣча этихъ двухъ личностей и сама по себѣ обѣщала много комизма, потому что поставляла лицомъ къ лицу двѣ разительныя противоположности, какъ по внѣшней, такъ и по внутренней сторонѣ ихъ. Съ одной стороны стоялъ Сократъ съ физиогноміею крайне непривлекательною, съ другой Иппіасъ—съ наружностью весьма красивою и представительною. Тотъ обращалъ на себя вниманіе ветхостью и дырами своего плаща, а этотъ—изысканностью и богатствомъ своего наряда. Первый говорилъ просто, даже иногда тривиально, а послѣдній выражался свысока и отборными фразами. Умъ Сократа любилъ видѣться въ предметъ и разбирать его по атомамъ, чтобы дойти до общаго заключенія о его природѣ; а умъ Иппіаса терпѣть не могъ такого атомизма и довольствовался только переворачиваніемъ онтологическаго понятія о предметѣ, чтобы изумлять слушателей своею способностію говорить много и обо всемъ. Стало-быть, немало забавнаго надлежало предположить и въ одномъ сближеніи этихъ двухъ взаимно-противуположныхъ личностей. Чего же можно было ожидать, когда они приступили къ разсужденію о прекрасномъ, котораго Иппіасъ ка-

зался живымъ олицетвореніемъ, а Сократъ—самою смѣшною каррикатурою, и когда, однакожъ, послѣднему приходилось обличать перваго, что онъ вовсе не знаетъ, въ чемъ состоитъ прекрасное? Явно, что здѣсь открывалось Сократу обширное поле для ироніи, представлялся поводъ къ интересной игрѣ съ самохвалствомъ софиста и вмѣстѣ являлся случай разъяснить значеніе избраннаго предмета, сколько и какъ позволяла это обыкновенная сократическая метода. Но такимъ ли образомъ характеризуется въ своемъ развитіи и такое ли имѣетъ направленіе разсматриваемый діалогъ Платона—Иппіасъ большій,—это мы увидимъ, если прослѣдимъ ходъ логической нити, связующей частные отдѣлы его содержанія.

Возбуждаемый и направляемый вопросами Сократа, Иппіасъ полагаетъ, что древніе мудрецы, въ сравненіи съ позднѣйшими софистами, ничего не значать, и это положеніе доказываетъ тѣмъ, что позднѣйшіе софисты своими декламациями наживаютъ огромныя суммы денегъ; больше же всѣхъ прочихъ обогатился такимъ средствомъ онъ самъ; слѣдовательно, онъ самъ, то-есть Иппіасъ, мудрѣе не только всѣхъ древнихъ мудрецовъ, но и современныхъ ему софистовъ. Чтобы искуснѣе обличить Иппіаса, что онъ хвастается предъ древними мудрецами, не изучивъ порядочно ихъ мудрости, Сократъ спрашиваетъ его: не больше ли, чѣмъ гдѣ-нибудь, собралъ онъ денегъ въ Лакедемонѣ? Иппіасъ, не видя цѣли этого вопроса, отвѣчаетъ отрицательно и говоритъ, что Лакедемоняне вовсе не интересовались его познаніями, повинувъсь своему закону, который запрещаетъ ихъ юношамъ получать воспитаніе иностранное. Они охотно слушаютъ только о древнихъ герояхъ и поселеніяхъ, о происхожденіи древнихъ городовъ и вообще о древности; а потому, для удовлетворенія ихъ любознательности, онъ самъ принужденъ былъ учиться всему такому. Съ этою цѣлю, говоритъ, написалъ я прекрасную рѣчь о прекрасныхъ предметахъ, изученіемъ которыхъ должны заниматься юноши. Выслушавъ столь хвастливое признаніе Иппіаса, Сократъ останавливается на немъ и, ссылаясь на пытли-

вость вымышленнаго знакомца, который будто-бы беспокоитъ его вопросами именно о такихъ предметахъ, спрашиваетъ, что есть прекрасное? Это—вступленіе въ разговоръ, оканчивающееся показаніемъ главной его задачи. Р. 281 А—287 В.

Чтобы Иппіасу легче было идти къ рѣшенію предположеннаго вопроса, Сократъ старается точнѣе опредѣлить его значеніе и, различивъ два выраженія: что прекрасно по чему-либо другому, и что есть прекрасное само по себѣ, проситъ своего собесѣдника взятую для изслѣдованія задачу о прекрасномъ понимать въ послѣднемъ смыслѣ, да такъ и рѣшать ее. Но софистъ никакъ не можетъ замѣтить различія между предметомъ и идеею предмета: ему все кажется, что прекраснаго надобно искать въ мірѣ вещей чувствопостигаемыхъ, а не въ области умственнаго созерцанія; съ его формализмомъ на поприщѣ знанія всего лучше мирится матеріализмъ въ практической жизни, подобно тому, какъ нынѣшніе гегелисты по необходимости становятся самыми грубыми идонистами. Итакъ, недолго задумываясь надъ рѣшеніемъ предложеннаго вопроса, онъ просто разсѣкаетъ этотъ Гордіевъ узелъ и, не имѣя силъ приблизиться къ идеѣ, съ дѣтскою наивностію полагаетъ, что прекрасное есть прекрасная дѣвица. Сократу, конечно, нетрудно было показать, сколь нелѣпо это положеніе, такъ поразительно противорѣчащее основнымъ законамъ сужденія. Ему достаточно было лишь нѣсколькихъ приемовъ наведенія, чтобы въ одномъ и томъ же объемѣ прекраснаго поставить, какъ предметы счиненные, и лошадь, и лиру, и горшокъ, и множество другихъ вещей, когда онъ бывають прекрасны. Иппіасъ охотно соглашается съ этимъ наведеніемъ и находитъ страннымъ только то, что прекрасный горшокъ подводится подъ одну категорію съ прекрасною дѣвицею, между тѣмъ какъ онъ, сравнительно съ послѣднею, вовсе непрекрасенъ. Это недоумѣніе Иппіаса даетъ Сократу поводъ сравнить такимъ же образомъ прекрасную дѣвицу съ красотою боговъ, и показать софисту, что при подобномъ сравненіи, она должна явиться безобразною. Отсюда само собою вытекало

заключеніе, что пока Иппіасъ ищетъ прекраснаго въ мірѣ вещей чувствовостигаемыхъ, онъ будетъ встрѣчать только прекрасное относительное, которое въ другихъ отношеніяхъ покажется непрекраснымъ; прекраснаго же самого по себѣ и для себя, чрезъ присущіе котораго всякій другой предметъ почитается прекраснымъ,—такого прекраснаго онъ здѣсь не нашель и не найдетъ. Но софистъ все еще, не выступая за черту явленій чувственныхъ, съ самонадѣянностію утверждаетъ, что такое прекрасное ему извѣстно, что быть прекраснымъ значитъ богатѣть, наслаждаться здоровьемъ, пользоваться уваженіемъ Эллиновъ, доживъ до старости, прекрасно украсить могилы умершихъ родителей и наконецъ прекрасно и великолѣпно быть погребеннымъ своими дѣтьми. Вотъ полный очеркъ человѣческаго блаженства съ языческой точки зрѣнія! Язычникъ не видѣлъ и не постигалъ ничего прекраснаго выше предѣловъ земнаго эвдемонизма, далѣе чувственныхъ наслажденій. И неудивительно: это былъ язычникъ. Гораздо удивительнѣе встрѣчать тотъ же самый взглядъ на прекрасное у современныхъ намъ писателей и публицистовъ христіанскихъ. Впрочемъ, оставимъ боковыя свои замѣчанія: ограниченность и ребяческую поверхностность этого взгляда ясно понималъ даже язычникъ Сократъ; онъ вдругъ замѣтилъ и высказалъ Иппіасу, что такое прекрасное не всегда прекрасно для тѣхъ людей и героевъ, которые, по мифологическимъ сказаніямъ Грековъ, произошли отъ боговъ, и слѣдовательно, не могли погребсти своихъ предковъ; а иные и сами не могли быть погребены своими дѣтьми, потому что умерли послѣ ихъ. Этою мыслию оканчивается первая—обличительная часть діалога, состоящая въ обличеніи Иппіаса, что онъ не знаетъ прекраснаго самого по себѣ, по отношенію къ которому все другое почитается прекраснымъ.

Обличивъ Иппіаса въ незнаніи, что такое прекрасное само по себѣ, Сократъ начинаетъ теперь самъ дѣлать пробы въ опредѣленіи прекраснаго и, предлагая мнѣніе за мнѣніемъ, располагаетъ своего собесѣдника послѣдовательно къ согла-

сію на каждое изъ нихъ. Но между тѣмъ какъ Иппіасъ то или другое мнѣніе находитъ справедливымъ, Сократъ тотчасъ показываетъ его неудовлетворительность и переходитъ къ новому, пока наконецъ софисту не наскучила эта бесѣда и пока онъ не обратился снова къ хвастливой декламации о важности ораторскаго своего таланта. Явно, что въ этой второй части разсматриваемаго діалога Платонъ имѣетъ цѣлю прослѣдить и опровергнуть всѣ, господствовавшія въ его время понятія о прекрасномъ. Эти понятія, по указанію Платона, суть слѣдующія.

Прекрасное, спрашиваетъ Сократъ, не есть ли приличное — *τὸ πρεπτόν*? Иппіасъ соглашается. Но едва произнесено имъ согласіе, какъ это опредѣленіе, подъ оселкомъ эротематической методы Сократа, тотчасъ оказывается, по матеріи, несправедливымъ. Приличное, говоритъ онъ, есть то, что или кажется прекраснымъ, или существенно прекрасно: но прекрасное, только кажущееся прекраснымъ, въ существѣ же дѣла непрекрасное, не заслуживаетъ имени прекраснаго; а то, которое само въ себѣ прекрасно, скрывается отъ насъ, и потому не можетъ быть названо приличнымъ. Слѣдовательно, приличное еще не есть прекрасное. Это, вложенное въ уста Сократа, опроверженіе мнѣнія о приличномъ въ значеніи прекраснаго у Платона проведено съ такимъ искусствомъ, что однимъ и тѣмъ же ходомъ достигаетъ двухъ цѣлей: явною и открытою стороною своего движенія оно направляется къ обличенію бездарности софиста, легкомысленно соглашающагося на двучленное дѣленіе понятія о приличномъ, тогда какъ оно, по своей природѣ, должно быть трехчленное; а заднею, или сокровенною стороною позволяетъ угадывать истинную мысль Платона, что приличное въ явленіи будетъ въ самомъ дѣлѣ прекрасно, если окажется прекраснымъ самимъ по себѣ — прекраснымъ въ бытіи (*Phileb.* p. 64 E).

Видя, что Иппіасъ не можетъ защитить понятія о прекрасномъ въ пользу приличнаго, Сократъ переходитъ къ другому, вѣроятно, современному также взгляду, и спрашиваетъ

своего собесѣдника: не слѣдуетъ ли прекраснымъ почитать полезное? А полезнымъ признаетъ онъ способность или силу что-нибудь совершать, равно какъ бесполезнымъ — все, что лишено такой силы. Притомъ способность что-нибудь совершать можетъ быть направлена и къ добру и къ злу: но въ способности дѣлать зло нельзя допустить никакой пользы; слѣдовательно, находя прекрасное въ полезномъ, полезное надобно признать, какъ способность совершать какое-нибудь добро. На всѣ эти положенія и заключенія Сократа Иппіасъ съ удовольствіемъ соглашается. Но Сократъ вдругъ поворачиваетъ предметъ другою стороною и чрезъ постепенное изслѣдованіе находитъ, что прекрасное нельзя почитать и полезнымъ. Полезное, говоритъ онъ, направляется къ добру; но прекрасное — одно и то же съ полезнымъ; слѣдовательно, и прекрасное стремится къ совершенію добра. Если же прекраснымъ производится добро, то первое будетъ причиною, а послѣднее — ея произведеніемъ. Но причина и произведеніе, очевидно, различны между собою; и потому прекрасное не есть доброе, а доброе не есть прекрасное, не смотря на то, что между прекраснымъ и добрымъ должна быть какая-то внутренняя связь. Итакъ, прекрасное нельзя назвать и полезнымъ. Это мнѣніе объ отличіи прекраснаго, полезнаго и добраго, если смотрѣть на него съ сократической точки зрѣнія, явно противорѣчитъ ученію Сократа, который, по свидѣтельству Ксенофонта (Мемог. III, 8, § 4 sqq. IV, 6, 9), доказывалъ, что прекрасное заключается въ полезномъ; не отдѣлялъ онъ также, говоритъ Ксенофонтъ (Мемог. III, 8, 2—8, IV, 6, 8, 9), прекраснаго и отъ добраго. Кажется, что даже и Платонъ, въ ранніе годы своего философствованія, держался того же, Сократова взгляда на прекрасное: по крайней мѣрѣ, въ Горгіасѣ (р. 474 A) утверждаетъ онъ, что все прекрасное почитается прекраснымъ либо ради удовольствія, имъ доставляемаго, либо ради пользы, либо ради того и другаго; а въ Лизіасѣ (р. 216 C) и Алкивиадѣ I (pag. 115 sqq.) учитъ о внутреннемъ сродствѣ прекраснаго и добраго. Но позднѣе поня-

тіе о прекрасномъ возводится у Платона выше всѣхъ категорій человѣческаго мышленія и выводится непосредственно изъ идеи добра. *Clement. Alexandr. Strom. V, p. 705, ed. Pott. Phileb. p. 64 sq.*

Черезъ опроверженіе втораго мнѣнія о прекрасномъ, т. е. черезъ доказательство, что прекрасное не есть полезное, Иппіасъ приходитъ въ крайнее недоумѣніе и сознается, что въ настоящую минуту не можетъ представить, въ чемъ бы еще надлежало полагать природу прекраснаго; но еслибы онъ поразсудилъ, говорить, объ этомъ наединѣ — самъ съ собою, то вѣрно, придумалъ бы и осязательно показалъ, что есть прекрасное. Однакожъ Сократъ, не надѣясь услышать отъ него ничего дѣльнаго и въ будущемъ, предлагаетъ ему на обсужденіе новое понятіе о прекрасномъ, и спрашиваетъ, не состоитъ ли оно въ удовольствіи, получаемомъ черезъ зрѣніе и слухъ. Иппіасу это предположеніе понравилось тѣмъ болѣе, что льстило всегдашнему стремленію софистовъ къ чувственнымъ наслажденіямъ; но Сократъ не даетъ ему остановиться на такомъ взглядѣ и тотчасъ замѣчаетъ, что этимъ своимъ опредѣленіемъ прекрасное уничтожаетъ удовольствія, приобретаемыя не черезъ зрѣніе и не черезъ слухъ, и совсѣмъ забываетъ о тѣхъ, которыя не подходятъ ни подъ одинъ изъ чувственныхъ органовъ, каковыя, на примѣръ, получаютъ въ области наукъ, словесныхъ произведеній, гражданскихъ законовъ и проч. Притомъ, хотя бы мы и допустили, говорить, что прекрасное состоитъ въ удовольствіи, приобретаемомъ только черезъ зрѣніе и слухъ, все еще не были бы въ состояніи примирить это понятіе даже съ самимъ собою. Удовольствіе отъ удовольствія, по своей природѣ, отличаться не можетъ; слѣдовательно, источникомъ удовольствій должны быть не зрѣніе и слухъ, которые, по устройству различны, а что-нибудь другое, общее обоимъ родамъ удовольствія. Въ этомъ-то общемъ и надлежало бы поставлять прекрасное. Но въ удовольствіи, поколику оно разсматривается какъ нѣчто общее, заключающееся въ частныхъ видахъ удовольствія, прекрасное содержится не мо-

жетъ; потому что иначе прекраснымъ слѣдовало бы почитать также и удовольствія, приобретаемая прочими чувствами. Послѣ сего оставалось допустить только развѣ одно, — что прекрасное состоитъ въ удовольствіи, приобретаемомъ чрезъ зрѣніе и слухъ, поколику это удовольствіе полезно. Иппіасъ согласился было и на такое ограниченіе; но Сократъ вслѣдъ за тѣмъ показываетъ невѣрность допущеннаго положенія. Полезное, говоритъ онъ, есть причина добраго: но уже прежде было доказано, что причина и произведеніе различны между собою; слѣдовательно, принявъ послѣднее мнѣніе, мы необходимо встрѣтили бы прежнее затрудненіе, т. е., должны были бы согласиться, что прекрасное не есть доброе, и доброе не есть прекрасное. Это послѣднее мнѣніе о прекрасномъ, котораго софисты искали въ чувственныхъ удовольствіяхъ зрѣнія и слуха, Сократъ опровергъ совершенно согласно съ ученіемъ Платона. Платонъ въ Горгіасѣ (р. 475 А), особенно же въ Филебѣ (р. 51 sqq.), хотя и допускаетъ внутреннее сродство между прекраснымъ и пріятнымъ, а зрѣніе и слухъ называетъ даже божественными чувствами; однакожь, смотритъ на эти предметы въ вѣчныхъ и неизмѣняемыхъ ихъ формахъ, или идеяхъ; да и здѣсь, въ Иппіасѣ, ближайшимъ образомъ подходитъ къ тому же заключенію и только что не высказываетъ высокой, раскрытой въ Филебѣ истины. Этимъ оканчивается вторая, критическая часть діалога, раскрывающая значеніе и достоинство различныхъ понятій о прекрасномъ. Р. 283 Е—303 А.

Видя, что предъ Сократовою діалектикою не устояло и послѣднее мнѣніе о прекрасномъ, и не зная, какъ выдти изъ опутавшихъ его діалектическихъ сѣтей, Иппіасъ снова пускается въ хвастовство и многословіе. — Все, что ты доселѣ раскрывалъ, говоритъ онъ Сократу, обличаетъ въ тебѣ чловѣка мелочнаго и ограниченнаго; все это обрывки образованія, между тѣмъ какъ чловѣкъ истинно знающій долженъ своимъ взглядомъ обнимать всецѣлое образованіе и прилагать его на всякомъ поприщѣ жизни. Оставь эти пустяки, Сократъ,

и обратись къ лучшему. — Блаженъ ты, Иппіасъ, отвѣчаетъ ему Сократъ, что обладаешь такимъ образованіемъ; а мнѣ опредѣлено судьбою одно: держась обычнаго способа разсужденій, вѣчно не нравиться мудрецамъ; любя прекрасное, вѣчно не знать, въ чемъ состоитъ оно. Видно, справедлива старинная пословица: *χαλεπὰ τὰ καλὰ*. — Таково заключеніе діалога. Р. 304 А—Е.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ И ИППІАСЪ.

281. *Сокр.* Прекрасный ты и мудрый Иппіасъ ¹; какъ давно не видно было тебя у насъ въ Аѣинахъ!

Ипп. Да недосугъ, Сократъ. Элея ², когда нужно бываетъ вступить въ сношенія съ которымъ-нибудь изъ городовъ, всегда обращается ко мнѣ первому изъ гражданъ и избираетъ меня посланникомъ—въ той мысли, что по такимъ дѣламъ, какія совершаются между всѣми городами, я—самый удовлетворительный судья и вѣстникъ. Посему часто ѣздилъ я посломъ и въ другіе города, да неоднократно, по весьма многимъ и важнѣйшимъ дѣламъ, и въ Лакедемонъ. Такъ вотъ отчего, какъ ты спрашиваешь, я не учащаю въ эти мѣста.

Сокр. Таково-то, Иппіасъ, быть по-истинѣ добрымъ и совершеннымъ мужемъ. Ты, и какъ частный человѣкъ, спосо-

¹ *Прекрасный ты и мудрый Иппіасъ.* Ἰππίας ὁ καλὸς τε καὶ σοφός. Филологи полагаютъ, что здѣсь именительный падежъ употребленъ вмѣсто звательнаго: но такое предположеніе не можетъ быть подтверждено ни однимъ примѣромъ. Сократъ не зываетъ, а дѣйствительно называетъ Иппіаса мудрымъ и прекраснымъ. Подобнымъ образомъ и у насъ говорятъ: ты мальчикъ умный; пооди ко мнѣ. Это называется nominativus per appositionem, и употребляется большею частію послѣ звательнаго. Напримѣръ: ὦ ἄνδρες οἱ παρόντες. Protag. p. 337 С. *Прекрасный*—καλός—у Грековъ было обыкновеннымъ выраженіемъ вѣжливости ласкателей въ отношеніи къ младшимъ и къ сверстникамъ (Creuzer ad Plot. de Pulchrit. p. XVI). Этимъ словомъ указывалось также и на изящество наряда, какъ французскимъ élégant. Въ такомъ значеніи оно прилагается и къ Иппіасу, что видно изъ словъ на стран. 291 А. Hipp. Minor. p. 368 В.

² Элея—отечество Иппіаса.

бенъ братъ съ юношей большія деньги и доставлять имъ еще больше пользы, чѣмъ сколько берешь денегъ; и опять, какъ человѣкъ общественный, способенъ благодѣтельствовать своему городу, къ чему обязанъ всякій, кто намѣренъ быть предметомъ не презрѣнія, а уваженія со стороны народа. Однакожъ, Иппіасъ, что бы это за причина, что тѣ древніе, которыхъ великія имена прославляются за мудрость, на примѣръ Питтакъ, Віасъ и Милетянинъ Фалесъ съ своими послѣдователями ¹, также позднѣйшіе—до Анаксагора, если не всѣ, то многіе изъ нихъ, какъ видно, удерживались отъ дѣлъ гражданскихъ ²?

Ипп. Что иное-то, думаешь, Сократъ, какъ не то, что они не могли и неспособны были обнять умомъ то и другое,—общее и частное.

Сокр. Такъ, ради Зевса, неужели скажемъ, что какъ прочія искусства возрасли, и древніе художники предъ нынѣшними оказываются плохими, такъ выросло и ваше искусство софистическое, и древніе, относительно мудрости, плохи въ сравненіи съ вами?

Ипп. Да, выросло; ты говоришь весьма правильно.

Сокр. Стало-быть, Иппіасъ, еслибы теперь ожилъ и возвратился къ намъ Віасъ; то онъ возбудилъ бы въ васъ смѣхъ, 282. подобно тому, какъ говорятъ статуйчики, что еслибы теперь

¹ Милетянинъ Фалесъ съ своими послѣдователями, τῶν ἀπὸ τῶν Μιλήσιων Φαλάκων. Позднѣйшіе Греки форму ἀπὸ τινὸς относили къ одному тому лицу, или къ одной той вещи, о которой говорится; но древніе писатели предлогомъ ἀπὸ ἐκ выражали лицо, или вещь, съ ихъ обстановкою. Для примѣра, на это самое мѣсто Иппіаса указываетъ *Matth. Cr. Cr. § 583, 2.*

² Говоря, что древніе, упоминаемые здѣсь, мудрецы удалялись отъ дѣлъ гражданскихъ, Сократъ, повидимому, отступаетъ отъ исторической истины: ибо извѣстно, что и эти, и другіе философы древняго міра часто бывали даже законодателями и правителями отечественныхъ своихъ городовъ. Но должно замѣтить, что наставленіе гражданъ и нравственное вліяніе на ихъ жизнь и образованіе тогда не входило въ формы гражданской дѣятельности. Люди, производившіе такое вліяніе на своихъ соотечественниковъ, назывались просто мудрецами и несли общественныя обязанности только въ случаяхъ чрезвычайныхъ. На такую то ихъ жизнь указываетъ Сократъ, и имѣть въ виду—представить соеисту случай высказать свое мнѣніе и презрѣніе къ древности.

жилъ Дедалъ и то же работалъ, что прославило его имя, то былъ бы осмѣянъ.

Ипп. Это правда, Сократъ; это такъ, какъ ты говоришь. Конечно, я и самъ обыкновенно хвалю древнихъ и до насъ жившихъ, — хвалю ихъ первыхъ и больше, чѣмъ нынѣшнихъ, но только — опасаясь ненависти живущихъ и страшась гнѣва умершихъ ¹.

- В.** *Сокр.* И ты, Иппіасъ, какъ мнѣ кажется, хорошо-таки думаешь и рассуждаешь. Могу засвидѣтельствовать, что говоришь истину и что ваше искусство дѣйствительно такъ выросло, что съ дѣлами частными можетъ совершать и общественныя. Вѣдь и этотъ леонтинскій софистъ, Горгіасъ, пріѣхалъ сюда изъ дома по дѣлу общественному, въ качествѣ посланника, какъ человѣкъ самый способный исполнять общественныя порученія Леонтинянъ, а между тѣмъ, пріобрѣтши въ народѣ мнѣніе отличнаго говоруна, онъ и частно показываетъ себя въ разсужденіяхъ, учитъ юношей, и этимъ заработалъ и взялъ съ города множество денегъ. Да если хочешь, и тотъ другъ нашъ, Продикъ, нерѣдко бывалъ у насъ, какъ въ другія времена, по дѣламъ общественнымъ, такъ и въ послѣднее время — недавно, по общественному же дѣлу прибылъ съ Цеоса и очень понравился произнесенною имъ въ совѣтѣ рѣчью, а потомъ, показывая себя также частно и уча юношей, нажилъ какія-то изумительно большія деньги. Изъ тѣхъ древнихъ никто **Д.** никогда не хотѣлъ въ вознагражденіе требовать денегъ, — не хотѣлъ и показывать свою мудрость различнымъ людямъ; такъ были они просты и не замѣчали, что деньги высоко цѣнятся! Изъ этихъ же каждый своею мудростію заработалъ денегъ больше, чѣмъ всякій другой хоженикъ какимъ-нибудь своимъ искусствомъ, а Протагоръ ² — еще больше ихъ.

¹ *Страшась гнѣва умершихъ.* Иппіасъ слѣдуетъ убѣжденію греческаго народа, который, согласно съ мифологическими преданіями и религіозными пѣнопѣвными поэтовъ, вѣровалъ, что боги за поношеніе умершихъ и благоудобныхъ имъ людей и героевъ отмщаютъ еще въ этой жизни и для отмщенія нерѣдко посылаютъ тѣни самихъ поносимыхъ.

² О софистахъ Горгіасъ, Продикъ и Протагоръ см. Charmid. p. 163 D.

Ипп. И ты еще не знаешь, Сократъ, ничего прекраснаго въ этомъ отношеніи. Вѣдь еслибы ты зналъ, сколько денегъ выработалъ я, то удивился бы. Оставляю другое; скажу только, что, прибывши нѣкогда въ Сицилію, гдѣ тогда жилъ, славился и былъ старѣйшимъ Протагоръ, я, — гораздо моложе его, въ короткое время выработалъ много больше ста пятидесяти минъ, даже въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ, Иникосѣ, нажить болѣе ста минъ. Прибывъ домой и принеши это серебро, я отдалъ его отцу, — и онъ, равно какъ другіе граждане, удивились и были поражены. Такъ мое мнѣніе таково, что я выработалъ денегъ больше, чѣмъ взятые вмѣстѣ два, какіе тебѣ угодно, софиста.

Сокр. Ты приводишь, Иппіасъ, въ самомъ дѣлѣ прекрасное и великое доказательство мудрости — и твоей, и нынѣшнихъ 283. людей, показывая, какъ они превосходятъ древнихъ; ибо прежніе ¹, по твоимъ словамъ, находились въ великомъ невѣжествѣ. Вотъ съ Анаксагоромъ случилось, говорятъ, противное тому, что съ вами: получивъ себѣ въ наслѣдство много денегъ, онъ сталъ беззаботенъ и все потерялъ. Такъ же неблагоразумно было софистическое его занятіе! Подобное въ этомъ родѣ рассказываютъ и о другихъ древнихъ. Итакъ, въ этомъ ты представляешь, мнѣ кажется, прекрасное доказательство мудрости нынѣшнихъ, сравнительно съ прежними. Да и многіе того же мнѣнія: мудрецъ долженъ быть мудрецомъ особенно для самого себя ²; а это, стало-быть, можно опредѣлить ³ такъ:

Protag. p. 341 A. Menon. p. 96 D; также введенія въ діалоги Платона подъ именами Горгіаса, Протагора и Менона. О цѣнѣ, какую брали софисты за свои уроки, см. *Wolf. Miscell. Litt.* p. 42 sqq. *Athen.* T. I, p. 133 sqq. Первый, начавшій брать деньги за уроки, былъ Протагоръ. *Diog. L.* IX, 52.

¹ Ибо прежніе — τῶν γὰρ προτέρων. Слѣдующія за этимъ слова: περὶ Ἀναξαγόρου λέγεται, хотя стоятъ во всѣхъ спискахъ, но, очевидно, должны быть признаны за глоссема и внесены въ текстъ е marginе; я не перевожу ихъ по-русски.

² Мудрецъ долженъ быть мудрецомъ особенно для самого себя. Здѣсь Платонъ, кажется, указываетъ на слова Эврипида: μὴ σοφιστὴν, ὅστις οὐχ αὐτῷ σοφός. См. *Matth. Fragment. Eurip.* p. 388.

³ А это можно опредѣлить такъ, τοῦτου δ' ἕνεκα ἐστὶν ἔρα. Подъ словомъ ἕρα: здѣсь разумѣется не опредѣленіе, а обусловливаніе. Поэтому въ слѣду-

чѣмъ больше кто выработалъ денегъ, тѣмъ больше тотъ пусть будетъ удовлетворителенъ въ этомъ отношеніи. Но скажи мнѣ вотъ что: какіе города, въ которыхъ ты былъ, доставили тебѣ больше денегъ? не явно ли, что Лакедемонъ, гдѣ бывалъ ты многократно?

Ипп. О нѣтъ, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Что ты говоришь? весьма мало?

С. *Ипп.* Даже вовсе ничего и никогда.

Сокр. Ты рассказываешь чудеса и невѣроятности, Иппіасъ. Скажи же мнѣ: твоя мудрость не была ли въ состояніи — людей, которые обращаются съ нею и учатся, сдѣлать лучшими въ добродѣтели?

Ипп. И очень, Сократъ.

Сокр. Такъ видно, Сицилійцы желаютъ сдѣлаться лучшими, а Лакедемоняне — нѣтъ?

Д. *Ипп.* Безъ сомнѣнія, и Лакедемоняне, Сократъ.

Сокр. Но не убѣгли ли они отъ твоей бесѣды по недостатку денегъ?

Ипп. Ну нѣтъ; денегъ у нихъ довольно.

Сокр. Такъ что же бы это могло быть, что, желая (сдѣлаться лучшими) и имѣя деньги, они, когда ты могъ бы доставить имъ великую пользу, отпустили тебя не съ полными карманами? Не то ли развѣ, что Лакедемоняне въ состояніи воспитать дѣтей своихъ лучше, чѣмъ ты? Скажемъ ли такъ? согласишься ли съ этимъ?

Е. *Ипп.* Отнюдь нѣтъ.

Сокр. Ужели же ты не могъ убѣдить юношей въ Лакедемонѣ, что, обращаясь съ тобою, они больше успѣли бы въ добродѣтели, чѣмъ обращаясь съ своими? или не въ силахъ былъ увѣрить ихъ отцовъ, что они, если сколько-нибудь заботятся о сыновьяхъ, должны ввѣрить ихъ лучше тебѣ, чѣмъ

ющемъ далѣе условіи: δ ; $\acute{\alpha}\nu$ πλείστον ἀργύριον ἐργάσεται, — $\acute{\alpha}\nu$ употреблено вмѣсто $\acute{\epsilon}\alpha\nu$, какъ употребляется эта частица весьма нерѣдко. Theaet. p. 208 E: τοῦτ' ἄρα μὴ ἀποδεχόμεθα, δ s $\acute{\alpha}\nu$ λέγῃ συλλαβὴν μὲν γνωστὸν καὶ ρητὸν, στοιχεῖον δὲ τουναντίον. т.-е. $\acute{\epsilon}\alpha\nu$ τις. Такую конструкцію допускаетъ и латинскій языкъ. *Ennius* ap. Gellium VII, 17: Ea libertas est, qui pectus purum et firmum gestitat.

пещись самимъ? Вѣдь отцы, вѣроятно, не завидовали же своимъ дѣтямъ, что послѣднія сдѣлаются лучше ихъ.

Инт. Не думаю, чтобы завидовали.

Сокр. И Лакедемонъ вѣдь городъ благозаконный.

Инт. Какъ не благозаконный.

Сокр. А въ благозаконныхъ-то городахъ добродѣтель весь- 284.
ма уважается.

Инт. Конечно.

Сокр. И ты умѣешь преподавать ее другому превосходнѣе всѣхъ людей.

Инт. И очень, Сократъ.

Сокр. Но кто умѣетъ превосходно преподавать верховую ѣзду, тотъ изъ цѣлой Эллады не въ Фессалии ли ¹ особенно бываетъ цѣнимъ и беретъ большія деньги, равно какъ и въ другихъ странахъ, гдѣ этимъ занимаются?

Инт. Вѣроятно.

Сокр. А кто умѣетъ преподавать выше всего цѣнимыя знанія относительно добродѣтели, тотъ, еслибы захотѣлъ, былъ бы особенно почтенъ и выработалъ бы больше денегъ не въ Лакедемонѣ и не въ другомъ городѣ, который между эллинскими городами славится благозаконіемъ, а въ Сицилии, думаешь, другъ мой, и преимущественно въ Иникосѣ? Этому ли должны мы вѣрить, Иппіасъ? вѣдь если прикажешь, надобно вѣрить.

Инт. У Лакедемонянъ непатріотично, Сократъ, трогать ихъ законы и воспитывать сыновей противно ихъ обычаямъ ².

Сокр. Что ты говоришь? У Лакедемонянъ непатріотично соблюдать правильность, а патріотично—погрѣшять? С.

Инт. Я не сказалъ бы этого, Сократъ.

¹ О достоинствѣ фессалійскихъ лошадей и объ искусствѣ фессалійскихъ наѣздниковъ сравн. Legg. I, p. 625 D. Menon. p. 70 A. Athen. XII, D. 584 B.

² О воспитаніи юношества у Лакедемонянъ см. Xenoph. De Rep. Laced. c. II. Plutarch. inst. Laced. § 12; Vit. Lycurg. c. 9: οὐδ' ἐπέβαινε τῆς λακωνικῆς οὐ σοφιστῆς λόγων, οὐ μάντις ἀγυρτικός, οὐχ ἑταῖρον τροφεύς, ἀτε δι νομίματός οὐκ ὄντος. Это было во времена, предшествовавшія могуществу лакедемонской республики, и приотомившія могущество ея.

Сокр. Правильно же поступали бы они, когда бы воспитывали юношей лучше, а не хуже?

Ипп. Правда; но давать дѣтямъ воспитаніе иностранное у нихъ незаконно: а иначе — знай, что если кто другой могъ бы когда-нибудь оттуда брать деньги за воспитаніе, то я бралъ бы ихъ тѣмъ больше. Вѣдь они рады слушать меня и хвалить, да говорю, — не законъ.

Сокр. А законъ порчею ли города называешь ты, Иппидасъ, или пользою?

Ипп. Законъ постановляется, думаю, для пользы, но иногда онъ и вредить, если худо постановляется.

Сокр. Что же? постановители постановляютъ законъ не въ смыслѣ ли величайшаго блага для города, такъ что безъ него нельзя жить благозаконно?

Ипп. Ты правду говоришь.

Сокр. Стало-быть, когда намѣревающіеся постановить законы погрѣшаютъ противъ добра, тогда не погрѣшаютъ ли они противъ законности и закона? Или какъ ты говоришь?

Е. *Ипп.* Судя строго, Сократъ, это конечно такъ; однакожъ, люди обыкновенно не такъ думаютъ.

Сокр. Люди знающіе ли, Иппіасъ, или незнающіе?

Ипп. Чернь.

Сокр. А чернь-то знаетъ ли истинное?

Ипп. Не такъ-то.

Сокр. Однакожъ, знающіе держутся по крайней мѣрѣ того мнѣнія, что, въ разсужденіи истины, болѣе полезное для всѣхъ людей законнѣе того, что болѣе неполезно. Или не соглашаешься?

Ипп. Да, что въ разсужденіи истины-то, соглашаюсь.

Сокр. А не такъ ли есть и должно быть, какъ полагаютъ знающіе?

Ипп. Конечно.

Сокр. Но поэтому-то Лакедемонянамъ, какъ ты говоришь, гораздо полезнѣе было бы давать дѣтямъ воспитаніе чрезъ тебя — иностранное, чѣмъ свое народное.

Итт. И правду-таки говорю.

Сокр. Да вѣдь и то говоришь, Иппіасъ, что болѣе полезное больше и законно.

Итт. Конечно говорилъ.

Сокр. Стало-быть, сыновьямъ Лакедемонянъ получать воспитаніе отъ Иппіаса, по твоимъ словамъ, законнѣе, а отъ своихъ отцовъ—незаконнѣе, если ты въ самомъ дѣлѣ могъ доставить имъ величайшую пользу.

Итт. Конечно, могъ доставить пользу, Сократъ.

Сокр. Слѣдовательно, не давая тебѣ денегъ и не ввѣряя в. своихъ сыновей, Лакедемоняне поступаютъ противузаконно.

Итт. Въ этомъ уступаю; потому что твоя рѣчь, кажется, говоритъ за меня, и я нисколько не долженъ противорѣчить ей.

Сокр. Такъ мы находимъ, другъ мой, что Лакедемоняне, кажущіеся весьма вѣрными закону, поступаютъ противузаконно, и притомъ въ вещахъ важнѣйшихъ. Что же такое, ради боговъ, они хвалятъ въ тебѣ, Иппіасъ, и почему рады слушать тебя? Не явно ли, что то, что ты наилучше знаешь, — с. науку о звѣздахъ и небесныхъ явленіяхъ ¹?

Итт. Отнюдь нѣтъ; этого-то они даже не терпятъ.

Сокр. Но рады слушать о геометріи?

Итт. Никакъ; да у нихъ-то многіе, просто сказать, не умѣютъ и считать.

Сокр. Стало-быть, далеко уже не въ вычисленіяхъ показывалъ ты себя, когда они терпѣли.

Итт. Конечно; далеко не въ томъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Такъ видно, въ томъ, что ты знаешь точнѣе, чѣмъ всѣ люди, т.-е. въ различеніи значенія буквъ, слоговъ, рифмъ и гармоній?

Итт. Какихъ, добрякъ, гармоній и буквъ?

Сокр. Но что же это такое, о чемъ они съ удовольствіемъ слушаютъ тебя и хвалятъ? Скажи самъ, когда я не угадываю.

¹ Иппіасъ приписывалъ себѣ познанія во всѣхъ родахъ наукъ, а особенно любилъ удивлять слушателей познаніями космологическими. О такой хвастливости его см. *Cicer. de Orat.* III, 42; *Hipp. Min.* p. 36 D; *Prot.* p. 318 E.

Ипп. Они весьма охотно слушаютъ, Сократъ, о происхожденіи героевъ и людей, о населеніяхъ, о томъ, какъ встарину созданы были города, и вообще о всей древности ¹; такъ что Е. для нихъ я самъ принужденъ былъ изучать и изслѣдовать все это.

Сокр. Клянусь Зевсомъ, Иппіасъ, хорошо еще, что Лакедемоняне-то не рады, когда кто перечисляетъ имъ и нашихъ всѣхъ архонтовъ, начиная отъ Солона; а то ты озаботился бы изученіемъ и этого.

Ипп. Къ чему, Сократъ, одинъ разъ выслушавши пятьдесятъ именъ, я буду ихъ помнить?

Сокр. Ты правду говоришь. Я и не подумалъ, что ты обладаешь искусствомъ памятованія; а теперь понимаю, что Лакедемоняне по справедливости рады тебѣ, какъ человѣку многознающему, и пользуются тобою, какъ дѣти старушками, что-бы онѣ разсказывали занимательныя басни.

Ипп. И, клянусь Зевсомъ, Сократъ, недавно еще получилъ я тамъ одобреніе, разсуждая о прекрасныхъ предметахъ, которыми долженъ заниматься юноша. Вѣдь у меня сочинена объ этомъ прекрасная рѣчь ², хорошо изложенная и съ другихъ сторонъ, и со стороны словъ. Форма и начало моей рѣчи таковы: когда Троя была взята, говорится въ рѣчи, тогда Нев.птолемъ спросилъ Нестора, какіе предметы столь прекрасны, что, занимаясь ими, можно еще въ юности сдѣлаться человѣкомъ славнѣйшимъ. Послѣ сего вводится говорящимъ Несторъ и предлагаетъ ему весьма много законныхъ и превосходныхъ предметовъ. Эту-то рѣчь я тамъ произносилъ, и здѣсь намѣренъ произнести ее чрезъ два дня въ Филостратовомъ училищѣ.

¹ Это—очень ловко схваченная характеристика Лакедемонянъ, державшихся старины и сохранявшихъ народныя свои обычаи. Для нихъ, конечно, ничего не могло быть поучительнѣе исторія великихъ предковъ, прославившихъ свое отечество.

² Объ этой рѣчи Иппіаса упоминаетъ и Филостратъ (р. 495): *ἔστι δὲ αὐτῷ καὶ Τρωϊκῆς διάλογος οὐ λόγος*. Что у Филострата она называется діалогомъ, а не рѣчью, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго; потому что и самъ Иппіасъ намекаетъ, что его сочиненіе имѣло форму діалогическую.

Скажу и много другаго, что стобить послушать: объ этомъ просилъ меня Евдикъ, сынъ Аниманта. Такъ приходи и самъ ты, приведи и другихъ, способныхъ слушать и судить о томъ, что С. будетъ сказано.

Сокр. Это будетъ, Иппіасъ, если захочетъ Богъ; а теперь отвѣчай покороче о томъ, о чемъ самъ ты кстати напомнилъ мнѣ. Недавно, почтеннѣйшій, одинъ человѣкъ поставилъ меня въ затрудненіе, когда я, по случаю разговора, иное порицалъ, какъ постыдное, а иное хвалилъ, какъ прекрасное. Онъ почти такъ спросилъ меня, и притомъ весьма оскорбительно: откуда знаешь ты, Сократъ, что прекрасно и что постыдно? да и D. опять, — можешь ли сказать, что такое прекрасное? (При этомъ вопросѣ) я, по своей неспособности, пришелъ въ затрудненіе и не могъ, какъ слѣдовало, отвѣчать ему. Посему, ушедши изъ собранія, я сердился на себя, досадовалъ и грозился, что какъ скоро встрѣчусь съ кѣмъ-нибудь изъ васъ, мудрецовъ, тотчасъ, услышавъ, научившись и вразумившись отъ него, пойду опять къ вопрошателю и буду снова защищать свое положеніе. Итакъ, теперь, говорю, ты кстати пришелъ: научи меня удовлетворительно о самомъ прекрасномъ, что такое E. оно, и въ своемъ отвѣтѣ постарайся сказать мнѣ это какъ можно точнѣе, чтобы я не былъ обличенъ и не сдѣлался смѣшнымъ въ другой разъ. Вѣдь ты, вѣроятно, ясно знаешь, и это знаніе, между множествомъ извѣстныхъ тебѣ, должно быть, какое-нибудь маловажное.

Ипп. Въ самомъ дѣлѣ, маловажное, клянусь Зевсомъ, Сократъ, — просто сказать, ничего не значить.

Сокр. Стало-быть, я легко научусь, и никто уже не обличитъ меня.

Ипп. Конечно, никто; ибо иначе мое дѣло ¹ было бы пустое и глупое.

287.

¹ Мое дѣло, τὸ ἐμὸν πράγμα, т.-е. просто я. Такъ обыкновенно употреблялось это выраженіе у Грековъ. Μιμνήσκει τούτῳ τὸ πράγματι, т.-е. порицать этотъ народъ. Такъ употребляется оно и у насъ: мое дѣло маленькое, или, мое дѣло сторона.

Сокр. Хорошо же ты говоришь, Иппіась. Клянусь Ирою, что мы возьмемъ въ руки того человѣка. Но, подражая ему, не помѣшаю ли я тебѣ, если твои отвѣты буду прерывать возраженіями, чтобы ты тѣмъ лучше вразумилъ меня? Вѣдь въ возраженіяхъ я, можетъ быть, нѣсколько опытенъ. Итакъ, если для тебя нѣтъ какой-нибудь разницы, я, чтобы сильнѣе знать, хочу возражать.

Ипт. Пожалуй, возражай; потому что вопросъ, какъ я и сейчасъ сказалъ, неваженъ. Я научилъ бы тебя отвѣчать и
В. на вопросы гораздо труднѣе этого, такъ чтобы никто изъ людей не могъ тебя опровергнуть.

Сокр. О, какъ хорошо говоришь ты! Но когда таково твое приказаніе,—позволь, чтобы, сколько можно болѣе представляя того человѣка, я попытался спрашивать тебя. Вѣдь если бы ты произнесъ ему ту рѣчь, въ которой, говоришь, разсуждается о прекрасныхъ занятіяхъ; то слушая, пока ты не пересталъ бы говорить, онъ спросилъ бы тебя сперва не о чемъ другомъ, какъ о прекрасномъ—ужь такой у него обычай—и
С. сказалъ бы: элейскій иностранецъ! справедливы ли справедливы не справедливостью ли? Отвѣчай же, Иппіась, такъ какъ бы онъ самъ спрашивалъ тебя.

Ипт. Отвѣчаю,—справедливостью.

Сокр. Но есть ли что-нибудь справедливость?

Ипт. Конечно.

Сокр. Не мудростью ли также мудры мудрые, и не добромъ ли добро доброе?

Ипт. Какъ же не этимъ?

Сокр. И это-то есть нѣчто сущее, а не-то-что несуществующее.

Ипт. Конечно сущее.

Сокр. Такъ и все прекрасное прекрасно не прекраснымъ ли?

Д. *Ипт.* Да, прекраснымъ.

Сокр. Которое тоже есть нѣчто сущее?

Ипт. Сущее. Но что же это будетъ?

Сокр. Такъ скажи мнѣ, иностранецъ, спросить онъ, что это такое — прекрасное?

Ипп. Не то ли ужъ нужно знать этому вопрошателю, Сократъ, чтò прекрасно?

Сокр. Мнѣ кажется, нѣтъ, Иппіасъ, но что есть прекрасное.

Ипп. Да чѣмъ же это отличается отъ того ¹?

Сокр. Тебѣ кажется, ничѣмъ?

Ипп. Нѣтъ никакого различія.

Сокр. Но явно, безъ сомнѣнія, что ты лучше знаешь. Впрочемъ, сообрази, добрякъ: вѣдь онъ спрашиваетъ тебя не о томъ, чтò прекрасно, а о томъ, чтò есть прекрасное. Е.

Ипп. Понимаю, добрякъ, и вотъ готовъ отвѣчать ему, чтò есть прекрасное, и никогда не буду опровергнуть. Хорошо знай, Сократъ, что прекрасное, если сказать правду, есть прекрасная дѣвица.

Сокр. Прекрасно же, клянусь собакою, и славно отвѣтилъ ты, Иппіасъ. Такъ не это ли отвѣтъ, который если дамъ, вопросъ будетъ рѣшенъ, и притомъ вѣрно, и я не буду опровергнуть? 288.

Ипп. Да какъ могъ бы ты быть опровергнуть, Сократъ, въ томъ-то, чтò всѣмъ кажется, и въ чемъ свидѣтели тебѣ — всѣ слушатели, что ты вѣрно говоришь?

Сокр. Пускай, безъ сомнѣнія; но позволь мнѣ, Иппіасъ, размыслить самому съ собой о томъ, чтò ты говоришь. Онъ спросить меня какъ-нибудь такъ. — Ну-ка отвѣчай, Сократъ: все, что называешь ты прекраснымъ, не тѣмъ ли будетъ прекрасно, чтò есть само прекрасное? — А я тутъ и скажу, что все это тѣмъ прекрасно, что прекрасная дѣвица есть прекрасное.

Ипп. И ты думаешь еще, что онъ рѣшится опровергать В. тебя, какбы, то-есть, то, что ты говоришь, не прекрасно? Да если и рѣшится, не будетъ ли смѣшонъ?

¹ Здѣсь Иппіасъ представляется такимъ эмпиристомъ, который никакъ не можетъ оторваться отъ предметовъ чувственного воззрѣнія и возвыситься къ идеѣ ума, созерцающаго во множествѣ прекрасныхъ вещей прекрасное само въ себѣ, какъ общій и вмѣстѣ реальный типъ ихъ.

Сокр. Что онъ рѣшится, чудный человѣкъ, это хорошо знаю я; а что, рѣшившись, будетъ смѣшонъ, это докажи ты. Я хочу сказать тебѣ, что именно будетъ онъ говорить.

Ипт. Скажи-ка.

Сокр. Какъ сладокъ¹ ты, Сократъ! скажетъ онъ. Прекрасная кобылица развѣ не прекрасное, когда и богъ въ оракулѣ² хвалилъ её? — Что будемъ отвѣчать, Иппіасъ? Не то ли с. скажемъ, что и кобылица, если только она прекрасна, есть прекрасное? ибо какъ смѣтъ намъ утверждать, что прекрасное не прекрасно?

Ипт. Ты правду говоришь, Сократъ: да и богъ сказалъ это также весьма правильно; ибо лошади у насъ³ бываютъ очень красивы.

Сокр. Пускай. Потомъ онъ скажетъ: что? прекрасная лира—не прекрасное ли?—Согласимся, Иппіасъ?

Ипт. Да.

Сокр. А послѣ того, судя по его приемамъ, — я это, можно сказать, хорошо знаю, — онъ спроситъ: добрѣйшій ты человѣкъ! что же? не прекрасное ли, стало-быть, прекрасный горшокъ?

D. *Ипт.* Фи, Сократъ! да кто же этотъ человѣкъ? какъ не образованъ онъ, когда осмѣливается въ важномъ дѣлѣ произносить такія низкія названія!

Сокр. Таковъ онъ и есть, Иппіасъ: это человѣкъ не вытянутый, а черный, ни о чемъ болѣе не заботится, какъ объ истинѣ; однакожъ, надо отвѣчать ему. И вотъ я самъ напередъ объявлю свое мнѣніе. Если горшокъ былъ сдѣланъ хо-

¹ Какъ сладокъ ты, *ὡς γλυκὺς εἶ*. У Грековъ это—вѣжливое обращеніе къ такому человѣку, котораго въ собственномъ смыслѣ хотѣли бы назвать дурачкомъ, или безтолковымъ. Такъ иногда употребляли и Римляне слово *dulcis*. *Terent. Phorm. II, 3, 64.*

² Здѣсь, по всей вѣроятности, указывается на провѣщаніе, данное Мегарцамъ и записанное въ схоліяхъ Теоокрита XIV, 48. Оно начинается такъ: *Γαίης μὲν πάσης τὸ Πελασγικὸν Ἄργος ἔμεινον, ἵπποι Θρηάσιοι, Λαλιδαίμονι δὲ γυναῖκες.*

³ У насъ, то-есть въ Элеѣ.

рошимъ горшечникомъ, гладокъ, круголъ и прекрасно обожженъ — (иные изъ прекрасныхъ горшковъ бываютъ съ ушками, и изъ нихъ вмѣщающіе шесть кружекъ — превосходны) — если онъ спрашиваетъ о такомъ горшкѣ, то его надобно признать прекраснымъ; ибо какъ намъ допустить, что прекрасное не прекрасно?

Ипт. Никакъ нельзя, Сократъ.

Сокр. Такъ и прекрасный горшокъ, скажетъ, есть прекрасное? — Отвѣчай.

Ипт. Я думаю, будетъ такъ, Сократъ. Прекрасное есть и этотъ прекрасно отдѣланный сосудъ: но все это, въ сравненіи съ прекраснымъ въ конѣ, въ дѣвицѣ и во всемъ другомъ прекрасномъ, не стоитъ разсужденія.

Сокр. Хорошо, понимаю, Иппіасъ; предлагающему такой вопросъ надобно сказать вопреки слѣдующее: ты не знаешь, человекъ, хорошаго мнѣнія Ираклитова¹, что самая прекрасная обезьяна, содержась въ родѣ людей, будетъ безобразна, и самый прекрасный горшокъ, содержась въ родѣ дѣвицъ, будетъ безобразенъ, какъ говоритъ мудрый Иппіасъ. Не такъ ли, Иппіасъ?

Ипт. Безъ сомнѣнія, Сократъ; ты правильно отвѣчалъ.

Сокр. Слушай же. Вѣдь послѣ этого, хорошо знаю, онъ скажетъ: что же, Сократъ? еслибы кто родъ дѣвицъ ввелъ въ В. родъ боговъ, — не то же ли вышло бы, что выходить, когда родъ горшковъ вводится въ родъ дѣвицъ? Самая прекрасная дѣвица не явится ли безобразною? Не то же ли самое говорить и Ираклитъ, на котораго ты ссылаешься, что самый мудрый изъ людей, въ сравненіи съ богомъ, и по мудрости, и по красотѣ, и по всему другому, является обезьяною? — согласимся ли, Иппіасъ, что самая прекрасная дѣвица, въ сравненіи съ родомъ боговъ, безобразна?

¹ Ираклитово мнѣніе, вѣроятно, выражалось такъ: «самая прекрасная обезьяна покажется безобразною въ сравненіи съ высшимъ родомъ». Это согласно и съ кореннымъ взглядомъ Ираклита, какъ философа, который вездѣ и по всемъ видѣлъ только относительность явленій, слѣдующихъ закону постепеннаго развитія.

Ипп. Этому-то, Сократъ, кто сталъ бы противорѣчить?

С. *Сокр.* Но какъ скоро мы согласимся на это, — онъ засмѣется и спроситъ: помнишь ли, Сократъ, о чемъ тебя спрашивали? — Помню, скажу я, — о томъ, что такое прекрасное. — Потомъ, когда спросили о прекрасномъ, что такое оно, скажетъ онъ, ты отвѣчаешь, что оно, какъ самъ говоришь, не больше прекрасно, какъ и безобразно. — Выходитъ, скажу я. Или, что присовѣтуешь мнѣ сказать, другъ мой?

Ипп. Я и самъ то же сказалъ бы. Вѣдь и дѣйствительно, человѣческой родъ, въ сравненіи съ богами-то, не прекрасенъ; онъ правду говорить.

Сокр. Если же я спросилъ бы тебя сначала, скажетъ онъ, D. что есть прекрасное и постыдное, и ты отвѣтилъ бы мнѣ то же, что теперь; то правильно ли отвѣтилъ бы? Вѣдь тебѣ все еще кажется прекраснымъ то, чѣмъ украшается и отчего является прекраснымъ все другое, какъ скоро чему приражается тотъ родъ, — будетъ ли это дѣвица, или конь, или лира?

Ипп. Да, конечно, Сократъ, если онъ этого-то требуетъ, — разумѣется, всего легче отвѣчать ему, что прекрасно то, чѣмъ украшается все прочее и отъ прирожденности чего все является прекраснымъ. Это, видно, человѣкъ самый глупый и ничего не знаетъ о прекрасныхъ пріобрѣтеніяхъ. Если ты отвѣтишь ему, что прекрасное, о которомъ онъ спрашиваетъ, есть не иное что, какъ золото, то онъ остоленѣетъ и не рѣшится опровергать тебя: вѣдь всѣ мы знаемъ, что чему золото приражается, то, хотя прежде и казалось постыднымъ, будучи украшено золотомъ, является прекраснымъ.

Сокр. Ты не испыталъ того человѣка, Иппіасъ: онъ очень упрямъ и ничего легко не принимаетъ.

Ипп. Такъ что же это, Сократъ? Вѣдь правильно сказано E. 290. ное необходимо ему или принять, или, не принимая, быть смѣшнымъ.

Сокр. А все-таки этого-то отвѣта, почтеннѣйшій, онъ не только не приметъ, но еще сильно осмѣетъ меня, и спроситъ:

ахъ ты сумасшедшій! думаешь ли, что Фидіасъ былъ худымъ мастеромъ?—А я, вѣроятно, скажу: отнюдь нѣтъ.

Ипп. Да и правильно скажешь, Сократъ.

Сокр. Конечно правильно; однакожъ, какъ скоро я соглашусь, что Фидіасъ былъ мастеръ хорошій,—онъ потомъ скажетъ: такъ того прекраснаго, о которомъ ты говоришь, Фидіасъ, думаешь, не зналъ?—Какъ это? спрошу я.—Такъ, скажетъ онъ, что глаза Аѳины сдѣланы имъ не изъ золота, да и все лицо, руки и ноги,—хотя золотыя-то должны бы казаться прекраснѣйшими, — а изъ слоновой кости. Видно, онъ ошибся въ этомъ, не зная, что золото все, къ чему приражается, дѣлаетъ прекраснымъ.—На эти слова его что будемъ отвѣчать, Иппіасъ?

Ипп. Тутъ нѣтъ ничего труднаго. Мы скажемъ: Фидіасъ с. правильно поступилъ; потому что слоновая кость, думаю, тоже прекрасна.

Сокр. Для чего же онъ, скажетъ, и глазныхъ зрачковъ не сдѣлалъ изъ слоновой кости, а сдѣлалъ каменные, подобравши камень, сколько можно болѣе сходный съ словою костью? Или и прекрасный камень есть прекрасное?—Согласимся, Иппіасъ?

Ипп. Конечно согласимся (прибавивъ только), если онъ употребляется, гдѣ прилично.

Сокр. А когда неприлично, — дуренъ? — Согласиться, или нѣтъ?

Ипп. Согласись, когда — неприлично.

Сокр. Такъ что же? мудрецъ ты, скажетъ онъ: слоновая кость и золото, если употребляются прилично, бываютъ, очевидно, прекрасны, а когда неприлично, — дурны? — Отвергнемъ ли это, или согласимся, что онъ говоритъ правильно?

Ипп. На это-то согласимся; ибо что каждой вещи прилично, то каждую дѣлаетъ прекрасною.

Сокр. А когда у кого прекрасный горшокъ, о которомъ мы недавно говорили, стоитъ на огнѣ, полный прекрасной похлебки, — прилично быть въ немъ, спросить, золотому, или смоковничному уполовнику?

Ипп. Иракль! о какомъ человѣкѣ говоришь ты, Сократъ!

Е. Не хочешь ли сказать мнѣ, кто онъ?

Сокр. Да ты, все равно, не зналъ бы его, хотя бы я и сказалъ тебѣ имя.

Ипп. Впрочемъ я и такъ понимаю, что это какой-то неучъ.

Сокр. Крайне несносный, Иппіасъ. Но, что же мы скажемъ? который изъ уполовниковъ приличенъ похлебкѣ и горшку? Или явно, что смоковничный? потому что похлебку онъ дѣлаетъ благовоннѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ, другъ мой, не разобьетъ намъ горшка, не пролетъ похлебки, не загаситъ огня и имѣющихъ кушать не оставитъ безъ этой, очень благородной пищи. А тотъ золотой могъ бы сдѣлать все это; такъ что смоковничный, мнѣ кажется, будетъ намъ гораздо приличнѣе золотого, если ты не иное что-нибудь полагаешь.

291.

Ипп. Да, гораздо приличнѣе, Сократъ, (сказалъ бы я), еслибы только могъ разговаривать съ человѣкомъ, предлагающимъ такіе вопросы.

Сокр. И правильно, другъ мой. Вѣдь тебѣ-то, такъ прекрасно одѣтому, прекрасно обутому, славящемуся мудростью у всѣхъ Эллиновъ, конечно, неприлично наполнять свою память такими именами; а мнѣ ничто не мѣшаетъ сталкиваться В. съ этимъ человѣкомъ. Такъ ты продолжай¹ учить меня и ради меня отвѣчай. — Если смоковничный-то гораздо приличнѣе золотого, скажетъ тотъ человѣкъ, то не будетъ ли и прекраснѣе, такъ какъ приличное, Сократъ, ты призналъ прекраснѣйшимъ сравнительно съ неприличнымъ? — Не согласимся ли мы, Иппіасъ, что смоковничный прекраснѣе золотого?

Ипп. Хочешь ли, я скажу тебѣ, Сократъ, какъ опредѣлить прекрасное, чтобы отдѣлаться отъ многихъ вопросовъ?

С. *Сокр.* Безъ сомнѣнія; однако не прежде же, чѣмъ скажешь

¹ *Продолжай учить меня, проδιδάσκει, т.-е. πάρρη διδάσκει: ибо προδιδάσκει значитъ учить кого-нибудь такъ, чтобы въ познаніи истины онъ шелъ впередъ. Euthyd. p. 302 C: Εὐφρήμι τὲ καὶ μὴ χαλεπῶς μὲ προδιδάσκει, Gorg. p. 489 D: Πραῖτερον μὲ προδιδάσκει, ἵνα μὴ ἀποστερήσω ἀπὸ σοῦ. Отсюда латинское praeclectio.*

мнѣ, который изъ двухъ, сейчасъ упомянутыхъ уполовниковъ назвать въ отвѣтъ болѣе приличнымъ и прекраснымъ.

Ипп. Отвѣчай ему, если хочешь, что сдѣланный изъ смоковницы.

Сокр. Говори же теперь, что сейчасъ намѣренъ ты быть сказать: ибо изъ того-то отвѣта, въ которомъ я назвалъ бы прекраснымъ золото, открывается, какъ видно, что золото нисколько не прекраснѣе смоковничнаго дерева. Теперь опять, что еще назовешь ты прекраснымъ!

Ипп. Скажу тебѣ. Ты, кажется, ищешь для своего отвѣта D. чего-то такого прекраснаго, что никогда, нигдѣ и никому не представлялось бы дурнымъ.

Сокр. Безъ сомнѣнія, Иппіасъ; и ты теперь, въ самомъ дѣлѣ, прекрасно понимаешь.

Ипп. Слушай же. И если этому кто-нибудь будетъ противорѣчить, — знай, я назову себя человѣкомъ, ничего несмыслящимъ.

Сокр. Такъ скажи, ради боговъ, какъ можно скорѣе.

Ипп. Говорю: всегда, вездѣ и всякому человѣку прекрасно богатѣть, быть здоровымъ, пользоваться почтеніемъ Эллиновъ, дожить до старости, прекрасно украсить могилы умершихъ родителей и наконецъ прекрасно и великолѣпно быть погребеннымъ своими дѣтьми. E.

Сокр. О, о! Иппіасъ, какъ дивно, величественно и достойно себя сказалъ ты! Клянусь Ирою, я радъ за тебя, что ты помогаешь мнѣ, кажется, такъ благоразсудительно, какъ только можешь. Однакожь, вѣдь на того человѣка мы не попадаемъ; напротивъ, хорошо знай, что теперь-то онъ еще больше будетъ смѣяться.

Ипп. По крайней мѣрѣ, смѣхомъ негодяя, Сократъ. Вѣдь если онъ не можетъ ничего сказать на это, а смѣется; то станетъ смѣяться надъ собою, и за то самъ будетъ осмѣянъ присутствующими. 292.

Сокр. Можетъ быть такъ; а можетъ быть и то, что послѣ

этого-то отвѣта, онъ, какъ я предугадываю, станетъ, должно быть, не только смѣяться надо мною,—

Ипт. А то что еще?

Сокр. Но и—если случится у него палка, и я, убѣгая отъ него, не уйду,—постарается порядочно попотчивать меня.

Ипт. Что ты говоришь? Господинъ твой, что ли, этотъ человѣкъ? и сдѣлавъ это, онъ не будетъ отведенъ въ судъ и приговоренъ къ наказанію? Развѣ вашъ городъ не имѣетъ закона? В. новъ и позволяетъ гражданамъ безъ причины бить другъ друга?

Сокр. Отнюдь не позволяетъ.

Ипт. Поэтому несправедливо-то бьющій тебя будетъ наказанъ.

Сокр. Мнѣ не кажется, Иппіасъ; вѣтъ, если только я дамъ этотъ отвѣтъ,—онъ, мнѣ кажется, прибьетъ меня справедливо.

Ипт. Да и мнѣ тоже кажется, Сократъ, если ты самъ такъ думаешь.

Сокр. Что же? не сказать ли тебѣ, отчего я думаю, что, давъ такой отвѣтъ, буду побить справедливо? Хочешь ли и ты побить меня безъ суда, или примешь объясненіе?

С. *Ипт.* Это было бы ужасно, Сократъ, еслибы я не принялъ; но что же ты скажешь?

Сокр. Скажу тебѣ такимъ же образомъ, какимъ доселѣ говорилъ, подражая ему, чтобы его словъ рѣзкихъ и злобныхъ, обращаемыхъ ко мнѣ, не относить къ тебѣ. Вѣдь онъ, хорошо знай, будетъ говорить такъ: скажи мнѣ, Сократъ, думаешь ли, что ты несправедливо принялъ побои, когда пропѣлъ такой длинный диѳирамбъ столь немзыкально, и отступилъ такъ далеко отъ вопроса?—Какъ же это? спрошу я.—Какъ? скажетъ онъ; развѣ ты не можешь помнить, что я спрашивалъ тебя о D. самомъ прекрасномъ, которое всему, чему бываетъ прирождено, сообщаетъ красоту,—и камню, и дереву, и человѣку, и богу, и всякому дѣлу, и всякой наукѣ? Вѣдь объ этомъ-то прекрасномъ я спрашивалъ тебя, человѣкъ, что такое оно,—и ничего не могу сдѣлать съ тобою своимъ крикомъ, какъ будто

возлѣ меня сидитъ камень, и притомъ мельничный, — безъ ушей и безъ мозга. — Тутъ, еслибы я отъ страха послѣ этого сказалъ слѣдующее, — не разсердишься ты, Иппіасъ? — еслибы, то-есть, я сказалъ: однакожъ, это самое называетъ прекраснымъ Иппіасъ, когда я такъ же спрашивалъ его, какъ ты меня, о прекрасномъ для всѣхъ и всегда; то что скажешь: не разсердишься ты?

Ипп. Но мнѣ хорошо вѣдь извѣстно, Сократъ, что прекрасное для всѣхъ есть и покажется то, что я называлъ.

Сокр. Есть; да будетъ ли также? спросить онъ. Вѣдь прекрасное-то, вѣроятно, всегда прекрасно.

Ипп. Конечно.

Сокр. Значить, оно и было? спросить онъ.

Ипп. И было.

Сокр. Сказалъ ли элейскій иностранецъ, спросить онъ, что прекрасно было и для Ахилла — быть погребеннымъ послѣ предковъ, и для его дѣда Эака, и для другихъ происшедшихъ отъ боговъ, и для самихъ боговъ? 293.

Ипп. Что это? ну его къ богу!¹ Эти-то вопросы того чловѣка даже и неблагочестивы, Сократъ.

Сокр. Такъ что жъ? отвѣчать-то на вопросъ другаго, что это такъ, конечно, не очень нечестиво.

Ипп. Можетъ быть.

Сокр. Такъ можетъ быть, это ты говоришь, скажетъ онъ, что прекрасное для всякаго и вездѣ есть — быть погребеннымъ дѣтми и похоронить предковъ? Развѣ Ираклъ былъ не одинъ изъ всѣхъ? и тѣ, о которыхъ мы теперь только говорили, развѣ не всѣ?

¹ Ну его къ богу! βαλλ' ἐς μακαρίων, то есть βαλλ' ἐς ἄδου. Отсюда былъ обычай умершихъ называть Μακαρίδας. Послѣ прилагательнаго μακαρίων, вѣроятно, надобно разумѣть ζώων. А иные слово Μακαρία принимали за собственное имя и разумѣли называвшуюся этимъ именемъ дочь Иракла, которая добровольно умерла за родъ Ираклидонъ. Явно, впрочемъ, что βαλλ' ἐς μακαρίων имѣло у Грековъ силу поговорки, которая соотвѣтствуетъ нашей: ну его къ Богу. *Alciph.* Lib. I, Epist. 9, p. 32, Lib. III, Epist. 32, p. 344. *Scholias.* Aristoph. ad Equit. v. 1148. *Eustath.* ad Odyss. A, p. 1405.

Ипт. Но я говорилъ не о богахъ.

В. *Сокр.* И не о герояхъ, какъ видно.

Ипт. Даже и не о дѣтяхъ боговъ, сколько ихъ ни было.

Сокр. Но о тѣхъ, сколько которыхъ не было?

Ипт. Конечно.

Сокр. Стало-быть, по твоему же опять, какъ видно, мнѣнію, изъ героевъ Тантаду, Дардану и Зиѳу принадлежитъ ужасное, нечестивое и постыдное, а Пелопсу и другимъ тако-го же происхожденія—прекрасное ¹.

Ипт. Мнѣ кажется.

Сокр. Такъ тебѣ кажется то, скажетъ онъ, чего прежде ты не говорилъ, что, то-есть, погребать предковъ и быть по-
С. гребеннымъ отъ дѣтей иногда и для нѣкоторыхъ бываетъ по-стыдно, — даже, какъ видно, еще болѣе; и нельзя, чтобы такое прекрасное бывало и было для всѣхъ, какъ теперь стало съ этимъ-то, или, какъ прежде съ тѣми — съ дѣвицею и горшкомъ; всего же смѣшнѣе, что для однихъ оно оказывается прекраснымъ, а для другихъ непрекраснымъ. Итакъ, ты и теперь еще, Сократъ, скажетъ онъ, не въ состояніи отвѣчать на вопросъ о прекрасномъ, чтò такое оно. — Такія-то и подобныя оскорбленія нанесетъ онъ мнѣ справедливо, если я такъ
D. отвѣчу ему. По большей части въ этомъ видѣ, Иппіасъ, идетъ бесѣда его со мною. Но иногда, какбы сжалившись надъ моею неопытною и неученою, онъ самъ наводитъ меня вопро-сами на то, не такимъ ли чѣмъ-нибудь кажется мнѣ прекрасное, либо что другое, о чемъ случается ему спрашивать, или что бываетъ предметомъ рѣчи.

Ипт. Какъ это понимаешь ты, Сократъ?

Сокр. Я расскажу тебѣ. — Перестань-ка давать такіе отвѣты, чудный Сократъ, говорить онъ; ибо они слишкомъ простоваты и удобоопровергаемы: по размотри слѣдующее. Не

¹ Такъ какъ Тантадъ, Дарданъ и Зиѳъ были божественнаго происхожде-нія, то для нихъ было бы нечестиво, слѣдуя понятію Иппіаса о прекрасномъ, похоронить своихъ предковъ, а для Пелопса и подобныхъ ему, кото-рые происходили отъ смертныхъ, сдѣлать это было бы прекрасно.

покажется ли тебѣ прекраснымъ то, съ чѣмъ мы сталкивались уже въ отвѣтъ, когда говорили, что золото, чему приличествуетъ, прекрасно, а чему неприлично, — нѣтъ? подобнымъ образомъ и все прочее, — къ чему что идетъ. Такъ разсмотри-ка это самое — приличествующее, и природу самого приличествующаго: не оно ли, можетъ быть, есть прекрасное? — На такія предложенія я привыкъ всегда соглашаться, потому что не могу ничего сказать. А тебѣ приличествующее кажется ли прекраснымъ?

Ипп. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Разсмотримъ, однакожъ, чтобы намъ какъ-нибудь опять не ошибиться.

Ипп. Да, надо рассмотреть.

Сокр. Такъ смотри. То ли мы называемъ приличествующимъ, что, бывъ прирождено, заставляетъ являться прекраснымъ каждый предметъ, которому это бываетъ присуще, или то, что дѣлается такимъ, или ни то ни другое.

Ипп. Мнѣ кажется ¹, то и другое.

Сокр. Не это ли заставляетъ являться прекраснымъ, когда кто, хотя бы былъ и смѣшонъ, является прекраснѣе, надѣвая пристойное платье или обувь?

Ипп. Да.

Сокр. Но если приличествующее заставляетъ предметъ являться прекраснѣе, нежели каковъ онъ есть, то не будетъ ли приличествующее чѣмъ-то обманчивымъ относительно прекраснаго, и не окажется ли не тѣмъ, чего мы ищемъ, Ип-

¹ *Ипп.* Мнѣ кажется, то и другое — *ἴσχυε δοκεῖ ἀμφότερα*. Греческій текстъ въ этомъ мѣстѣ, очевидно, перепутанъ и испорченъ. Во-первыхъ, отвѣтъ Иппіаса *ἴσχυε δοκεῖ* не заключаетъ въ себѣ ни утвержденія, ни отрицанія; во-вторыхъ, въ началѣ Сократова монолога слово *πέτερα* стоитъ внѣ всякаго отношенія къ послѣдующему. Вмѣсто *πέτερα*, здѣсь, по всей вѣроятности, надобно читать *ἀμφότερα*, и отнестъ его къ отвѣту Иппіаса, монологъ же Сократа начать словомъ *ἴρα*, — такъ чтобы вышелъ слѣдующій порядокъ рѣчи:

Ἰππ. Ἐμοίγε δοκεῖ ἀμφότερα.

Σωκρ. Ἄρα ὅ ποιεῖ φαίνεσθαι καλὰ, φαίνεται;

Ἰππ. Ναί.

Σωκρ. Οὐκοῦν εἴπερ καλλίω κ. τ. λ.

піась? Вѣдь мы, вѣроятно, искали того, почему бываютъ пре-
 В. красны всѣ прекрасные предметы, равно какъ почему велики
 всѣ великіе, то-есть, по преизбытку: ибо этимъ все велико, хо-
 тя бы не являлось; тому необходимо быть великимъ, что имѣ-
 етъ избытокъ. Такъ то же скажемъ и о прекрасномъ, по ко-
 торому все прекрасно, является ли нѣчто такимъ, или нѣтъ.
 Что могло бы быть оно? Это будетъ не то, что приличествую-
 щее; ибо приличествующее, какъ ты сказалъ, заставляетъ
 предметъ являться прекраснѣе, чѣмъ онъ есть, а тому, что
 С. я сейчасъ говорилъ, изслѣдовать то, что дѣлаетъ прекрас-
 нымъ, является ли нѣчто, или нѣтъ. Вѣдь это мы ищемъ, ес-
 ли ищемъ прекрасное.

Ипт. Но приличествующее, Сократъ, своимъ присутстві-
 емъ заставляетъ предметы и быть и являться прекрасными.

Сокр. Стало-быть, невозможно, въ самомъ дѣлѣ, чтобы
 предметы существенно прекрасные, въ присутствіи того, что
 заставляетъ являться-то, не явились такими?

Ипт. Невозможно.

Сокр. Такъ въ томъ ли согласимся, Иппіась, что всѣ су-
 щественно прекрасныя учрежденія и дѣйствія всегда всѣмъ
 D. кажутся и по бытію и въ явленіи прекрасными? или, совер-
 шенно напротивъ, что мы ихъ не знаемъ, и что въ разсужде-
 ніи ихъ бываетъ болѣе всего споровъ и вражды, какъ частно
 — между людьми, такъ и всенародно— между городами?

Ипт. Болѣе такъ, Сократъ; мы не знаемъ.

Сокр. Нѣтъ, не такъ, если имъ свойственно было являть-
 ся-то. А имъ это было бы свойственно, еслибы приличествую-
 щее было прекрасное и заставляло предметы нетолько быть,
 но и казаться прекрасными; такъ что приличествующее, какъ
 скоро оно заставляетъ предметъ быть прекраснымъ, было бы
 тѣмъ прекраснымъ, котораго мы ищемъ, не заставляя его уже
 E. являться. Но если опять заставляющее являться есть прили-
 чествующее, то оно не было бы прекраснымъ, котораго мы
 ищемъ: потому что приличествующее-то заставляетъ быть;

заставлять же являться и быть—прекраснымъ ли то, или чѣмъ другимъ,—одно и то же, вѣроятно, не можетъ. Итакъ, избремъ:—являться ли прекраснымъ, по твоему мнѣнію, заставляетъ приличествующее, или быть?

Ипп. Мнѣ кажется, являться, Сократъ.

Сокр. Увы! стало-быть, отъ насъ, Иппіасъ, бѣгмя бѣжить знаніе того, что такое — прекрасное, если только приличествующее является чѣмъ-то особымъ отъ прекраснаго.

Ипп. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, и мнѣ представляется это очень страннымъ.

Сокр. Однакожъ, другъ мой, мы не оставимъ-таки вопро- 295.
са: у меня есть еще нѣкоторая надежда открыть, что такое—прекрасное.

Ипп. Да и сомнѣнія нѣтъ, Сократъ; потому что нетрудно найти. Вѣдь хорошо знаю, что еслибы мнѣ на короткое время уединиться и поразмыслить самому съ собою, то я сказалъ бы тебѣ объ этомъ точнѣе всякой точности.

Сокр. Охъ, не говори такъ самонадѣянно, Иппіасъ: видишь, сколько безпокойствъ надѣлалъ уже намъ этотъ вопросъ! Разсердившись, какъ бы, не убѣждалъ онъ еще далѣе. Впрочемъ, я ничего не говорю: ты-то, конечно, легко, думаю, в. найдешь, когда будешь наединѣ. Но, ради боговъ, выищи отвѣтъ на это передо мною; а если хочешь, ищи его, какъ было сейчасъ, вмѣстѣ со мною. И если мы найдемъ, то будетъ превосходно: а когда нѣтъ,—я покорюсь, думаю, своей участи, а ты пойдешь и легко найдешь. Но найди мы это теперь,—я, вѣроятно, не буду докучать тебѣ вопросами, чтò такое открылъ ты самъ по себѣ. Такъ разсмотри, кажется ли тебѣ с. прекрасное вотъ чѣмъ,—но я такъ только говорю; ты наблюдай за мною самъ своимъ вниманіемъ, чтобы мнѣ не сбиться съ толку. Пусть прекраснымъ будетъ у насъ то, что полезно. Я сказалъ это, имѣя въ виду слѣдующее. Прекрасны, говоримъ мы, глаза: но не тѣ кажутся намъ прекрасными, которые не могутъ видѣть, а тѣ, которые могутъ и полезны для зрѣнія. Не такъ ли?

Ипп. Да.

Сокр. Не назовемъ ли мы прекраснымъ поэтому и цѣлое тѣло — иное для бѣганья, иное для битвы, — прекраснымъ и всѣхъ животныхъ — лошадь, пѣтуха, перепела, и всѣ сосуды, колесницы на сушѣ, суда и военные корабли на морѣ, и всѣ орудія — какъ для музыки, такъ и для прочихъ искусствъ, а если хочешь, и занятія, и законы? Не назовемъ ли мы такимъ же образомъ прекраснымъ почти все это? Смотри на каждую изъ вещей, какова она по природѣ, какова по отдѣлкѣ, въ какомъ находится состояніи, и видя, что она полезна, какъ полезна, къ чему полезна и когда полезна, мы почитаемъ ее прекрасною, а во всѣхъ этихъ отношеніяхъ бесполезную относимъ къ дурнымъ. Не такъ ли и тебѣ кажется, Иппіасъ?

Ипп. И мнѣ.

Сокр. Стало-быть, мы теперь правильно говоримъ, что прекрасное есть болѣе всего полезное.

Ипп. Конечно правильно, Сократъ.

Сокр. Но всякая вещь не къ тому ли полезна, что можетъ она сдѣлать, поколику можетъ, а когда не можетъ, бесполезна?

Ипп. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно, мочь — прекрасно, а не мочь — постыдно?

Ипп. И очень. Намъ, Сократъ, и все другое свидѣтельствуешь, что это такъ, да и политика; ибо въ дѣлахъ политическихъ и въ городѣ — мочь есть превосходнѣе всего, а не мочь всего постыднѣе.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Не потому ли, ради боговъ, Иппіасъ, и мудрость всего прекраснѣе, а невѣжество всего постыднѣе?

Ипп. А ты какъ думаешь, Сократъ?

Сокр. Молчи, любезный другъ; я очень боюсь: что это мы опять говоримъ?

Ипп. Чего ты боишься еще, Сократъ, когда рѣчь твоя шла впередъ такъ прекрасно?

Сокр. Хотѣлъ бы; но разсмотри вмѣстѣ со мною слѣдую-

щее: въ состояніи ли кто сдѣлать что-нибудь такое, чего и не знаетъ, и вовсе не можетъ?

Ипп. Отнюдь нѣтъ. Какъ сдѣлать то-то, чего не можешь?

Сокр. Такъ не правда ли, что погрѣшающіе и не-хотя совершающіе и дѣлающіе зло никогда не сдѣлали бы этого, еслибы не могли сдѣлать?

Ипп. Ужъ очевидно.

Сокр. Но могущіе-то могутъ, конечно, мочью, — вѣдь не С. немочью же?

Ипп. Разумѣется.

Сокр. А могутъ то всё дѣлающіе — дѣлать то, что дѣлаютъ?

Ипп. Да.

Сокр. И вотъ всё люди, начиная съ дѣтства, дѣлаютъ-то гораздо больше зла, чѣмъ добра, и грѣшатъ не-хотя.

Ипп. Такъ.

Сокр. Что же? Эту мочь и ту пользу, которая полезна для дѣланія чего-нибудь злаго, назовемъ ли прекраснымъ, или далеко нѣтъ?

Ипп. Мнѣ кажется, далеко, Сократъ. D.

Сокр. Стало-быть, мочь и польза, Иппіасъ, у насъ, какъ видно, не есть прекрасное?

Ипп. А если мочь-то для добра, Сократъ?—это будетъ полезно.

Сокр. По крайней мѣрѣ, мысль, что просто мочь и польза есть прекрасное, — идетъ прочь. Видно, наша душа то-то и хотѣла сказать, что польза и мочь для дѣланія чего-нибудь добраго—это есть прекрасное.

Ипп. Мнѣ кажется. E.

Сокр. А это-то полезно, или нѣтъ?

Ипп. Конечно.

Сокр. Значить, и прекрасныя дѣла, и прекрасныя учрежденія, и мудрость, и все, о чемъ мы теперь говорили, есть прекрасное, поколику полезное.

Ипп. Явно, что такъ.

Сокр. Стало-быть, выходить: прекрасное у насъ есть полезное.

Ипп. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Но полезное-то есть нѣчто дѣлающее добро.

297. *Ипп.* Конечно такъ.

Сокр. А дѣлающее-то есть не что иное, какъ причина. Не такъ ли?

Ипп. Такъ.

Сокр. Слѣдовательно, прекрасное есть причина добра.

Ипп. Конечно такъ.

Сокр. Но причина-то, Иппіасъ, и то, чего она причина,— не одно и то же. Вѣдь причина-то, вѣроятно, не можетъ быть причиною причины. Смотри сюда: причина является ли дѣлающею?

Ипп. Конечно.

Сокр. Отъ дѣлающаго же дѣлается не иное что, какъ бывающее, а не дѣлающее?

Ипп. Такъ.

Сокр. И не правда ли, что иное есть бывающее, и иное дѣлающее?

Ипп. Да.

Сокр. Стало-быть, причина-то есть причина не причины, а того, что бываетъ отъ ней.

В. *Ипп.* Конечно.

Сокр. Итакъ, если прекрасное есть причина добра, то отъ прекраснаго можетъ произойти добро. И потому-то, какъ видно, мы стараемся о разумности и о всемъ прекрасномъ, что дѣло и порожденіе этого есть добро и что прекрасное, должно быть, находимъ въ идеѣ какого-то отца доброты.

Ипп. Безъ сомнѣнія; ты, въ самомъ дѣлѣ, хорошо говоришь, Сократъ.

Сокр. Не хорошо ли говорю и то, что ни отецъ не есть сынъ, ни сынъ не есть отецъ?

С. *Ипп.* Конечно хорошо.

Сокр. И причина-то не есть бывающее, а бывающее не есть причина.

Ипп. Правду говоришь.

Сокр. Стало-быть, клянусь Зевсомъ, почтеннѣйшій, ни прекрасное не есть доброе, ни доброе не есть прекрасное. Не кажется ли тебѣ, что изъ вышесказаннаго это такъ?

Ипп. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, мнѣ не представляется.

Сокр. Такъ нравится ли намъ, и хотѣли ли бы мы говорить, что прекрасное не добро, и доброе не прекрасно?

Ипп. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, мнѣ не нравится.

Сокр. Да, клянусь Зевсомъ, Иппіасъ; и мнѣ-то всего менѣе нравится то, что сказали мы.

Ипп. Выходить такъ.

Сокр. Слѣдовательно, положеніе, недавно показавшееся намъ превосходнѣйшимъ, что, то-есть, полезное, выгодное ¹ и все, чѣмъ можетъ быть сдѣлано какое-либо добро, есть прекрасное,—должно быть не таково: напротивъ, оно, если возможно, еще смѣшнѣе тѣхъ первыхъ, въ которыхъ прекраснымъ мы почитали дѣвицу и другіе прежде высказанные предметы.

Ипп. Выходить.

Сокр. И теперь уже я-то не вижу, Иппіасъ, куда обратиться; я—въ недоумѣніи. А ты можешь ли что сказать? E.

Ипп. Въ настоящую-то минуту, какъ я недавно говорилъ тебѣ, не могу; а рассмотрѣвши, хорошо знаю, что найду.

Сокр. Но отъ сильной жажды знать, я не въ состояніи, кажется, ждать отъ тебя будущаго. И вотъ уже, повидимому, сейчасъ что-то открылъ. Смотри-ка, не то ли можемъ мы называть прекраснымъ, что заставляеть насъ радоваться,—разумѣю не всѣ удовольствія, а только получаемыя чрезъ слухъ и зрѣніе. Какъ и чѣмъ могли бы мы защищать это? Вѣдь всѣ 298.
прекрасные люди, Иппіасъ, всѣ украшения и произведенія

¹ Полезное, выгодное, τὸ ὠφέλιμον καὶ τὸ χρίσιμον. Эти слова, обыкновенно почитаемыя тождественными, филологи справедливо различаютъ. *Χρίσιμον* есть то, что можетъ способствовать также ἐπὶ τὸ καλὸν ἐργάζεσθαι; напротивъ, ὠφέλιμον есть собственно полезное καὶ τὸ δυνατὸν ἐπὶ τὸ ἀγαθὸν τι ποιῆσαι. Heindorf.

живописи и ваянія, когда они прекрасны, веселятъ наше зрѣніе. То же самое производятъ и прекрасные звуки, и всякая музыка, и рѣчи, и рассказы. Поэтому, еслибы тому дерзкому человѣку мы отвѣтили: благороднѣйшій человѣкъ! прекрасное есть удовольствіе, получаемое чрезъ зрѣніе и слухъ; то не удержали ли бы мы его, думаешь, отъ дерзости?

Ипп. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, теперь кажется, Сократъ, что В. о прекрасномъ постановлено хорошо.

Сокр. Что же, стало-быть? прекрасныя занятія и законы, Иппіасъ, назовемъ мы прекрасными потому ли, что это доставляетъ намъ удовольствіе чрезъ слухъ и зрѣніе, или они относятся къ какому-нибудь другому роду ¹?

Ипп. Мнѣ и самому, когда ты говоришь, представляется, что относительно законовъ тутъ дѣло другое.

Сокр. Молчи, Иппіасъ; должно быть, съ этимъ-то прекраснымъ мы попали въ такое затрудненіе, въ какомъ находимся теперь, когда думаемъ, что идемъ иною, хорошею дорогою.

Ипп. Что ты говоришь, Сократъ?

Сокр. Я скажу тебѣ, что мнѣ представляется, если только Д. въ моихъ словахъ есть дѣло. Вѣдь что касается до законовъ и занятій, то, можетъ быть, они являются не внѣ чувства, или доходятъ до насъ чрезъ слухъ и зрѣніе. Будемъ же отставлять наше положеніе, что получаемое чрезъ нихъ удовольствіе есть прекрасное, не приводя ничего со стороны законовъ. Но еслибы спросилъ насъ тотъ ли, котораго я разумѣю, или кто другой: что это, Иппіасъ и Сократъ, вы отъ удовольствія отдѣляете извѣстное удовольствіе и называете его пре-

¹ Слѣдующій за этимъ текстъ: *Ἰππ. Ταῦτα δ' ὅπως, ὃ Σώκρατες, κἀν παρὰ τοὺς τὸν ἄνθρωπον. Σωκρ. Μὰ τὸν κύνα, ὃ Ἰππία, οὐκ ἔν γ' ἂν ἐγὼ μάλιστα αἰσχυροίμην ληρῶν καὶ προσποιούμενός τι λέγειν μηδὲν λέγων. Ἰππ. Τίνα τοῦτον; Σωκρ. Σωκράτη τὸν Σωφρανίσκου, ὃς ἐμοὶ οὐδὲν ἂν μᾶλλον ταῦτα ἐπιτρέποι ἀνεργύνητα ὅσα ῥαδίως λέγειν ἢ ὡς εἰδῶτα ἢ μὴ οἶδα, очевидно есть глосса, внесенная е margine; потому что Сократъ, ссылаясь на какого-то безотвязнаго вопрошателя и разумѣя подъ нимъ самого себя, сохраняетъ это свое incognito до конца разговора; слѣдовательно, здѣсь неумѣстно было ему объявлять, что тотъ вопрошатель есть не иной кто, какъ самъ онъ. Чтобы не прерывать хода діалога этою неумѣстною вставкою, я счелъ приличнымъ оставить ее безъ перевода.*

краснымъ, а удовольствій, получаемыхъ чрезъ другія чувства, отъ блюдь, напитковъ, любовныхъ дѣлъ и отъ всего подобнаго, не называете прекраснымъ? неужели ни въ этомъ, ни въ чемъ другомъ, кромѣ зрѣнія и слуха, вы вовсе не признаете ни пріятности, ни удовольствія? Чтò скажемъ, Иппіасъ?

Ипп. Безъ сомнѣнія скажемъ, Сократъ, что и въ другихъ ощущеніяхъ есть очень великія удовольствія.

Сокр. Такъ для чего же, скажетъ, у этихъ удовольствій, которыя ничѣмъ не меньше—удовольствія, какъ и тѣ, вы отнимаете ихъ имя и лишаете ихъ названія прекрасныхъ? — 299. Для того, скажемъ мы, что не было бы никого, кто не осмѣялъ бы насъ, еслибы мы захотѣли утверждать, что ѣсть не пріятно, а прекрасно, и обонять пріятное не пріятно, а прекрасно. Что же касается до дѣлъ любовныхъ, то всѣ спорили бы съ нами, что это весьма пріятно, а между тѣмъ, кто дѣлалъ бы подобное, тотъ долженъ былъ бы дѣлать такъ, чтобы никто не видѣлъ его; ибо быть видимымъ тутъ очень постыдно. Тогда какъ мы говорили бы это,—онъ, можетъ быть, примолвилъ бы: Теперь я понимаю, Иппіасъ, что вы давно уже стыдитесь назвать эти удовольствія прекрасными потому, что они людямъ не кажутся. Но я спрашивалъ не о томъ, что только кажется прекраснымъ, а о томъ, чтò есть прекрасное.—Послѣ этого мы, думаю, повторили бы прежнее свое положеніе, что прекраснымъ почитаемъ часть пріятнаго, получаемую чрезъ слухъ и зрѣніе. Этимъ ли отвѣтомъ воспользуешься ты, или отвѣтимъ что-нибудь другое, Иппіасъ?

Ипп. Судя по твоимъ-то словамъ, Сократъ, необходимо сказать это, а не что-либо другое.

Сокр. Хорошо же говорите вы, скажетъ онъ. Итакъ, если прекрасное есть пріятное, получаемое чрезъ зрѣніе и слухъ; то пріятное, относящееся не къ этому роду, очевидно, уже не сбудетъ прекраснымъ?—Согласимся ли?

Ипп. Да.

Сокр. Такъ пріятное, ощущаемое чрезъ зрѣніе, скажетъ онъ, есть ли пріятное чрезъ зрѣніе и слухъ? или, ощущаемое

черезъ слухъ есть ли также пріятное черезъ слухъ и зрѣніе? — Получаемое черезъ одно которое-нибудь чувство, скажемъ мы, отнюдь не можетъ быть пріятнымъ черезъ оба. Это тебѣ угодно такъ говорить намъ; а мы говоримъ, что и которая-нибудь изъ этихъ пріятностей сама по себѣ есть прекрасное, и обѣ вмѣстѣ. Не такъ ли отвѣтимъ?

Ипп. Безъ сомнѣнія.

D. *Сокр.* Но пріятное отъ пріятнаго, — что-нибудь отъ чего-нибудь, скажетъ онъ, отличается ли этимъ — пріятностью? Не то что одно удовольствіе больше или меньше, либо сильнѣе или слабѣе: не различаются ли они тѣмъ, что изъ пріятностей одна есть удовольствіе, а другая — неудовольствіе? — Намъ-то это не кажется.

Ипп. Конечно не кажется.

Сокр. Посему, скажетъ, изъ прочихъ удовольствій вы предъизбираете эти удовольствія ради чего-то другаго, а не ради того, что они удовольствія; вы видите въ обоихъ нѣчто E. такое, чѣмъ они отличаются отъ прочихъ, и на что смотря, называете ихъ прекрасными. Вѣроятно, не ради того прекрасно удовольствіе, получаемое черезъ зрѣніе, что оно получается черезъ зрѣніе; ибо еслибы оно было прекрасно по этой причинѣ, то другое удовольствіе, получаемое черезъ слухъ, не было бы прекрасно, такъ какъ оно получается не черезъ зрѣніе. — Скажемъ ли: правду говоришь?

Ипп. Конечно скажемъ.

300. *Сокр.* И опять удовольствіе, получаемое черезъ слухъ, не ради того прекрасно, что получается черезъ слухъ; ибо иначе оно не было бы прекрасно черезъ зрѣніе, котораго удовольствіе не черезъ слухъ. Истину ли, скажемъ, Иппіасъ, говоритъ тотъ человѣкъ, говоря такимъ образомъ?

Ипп. Истину.

Сокр. И однакожь, оба эти удовольствія, какъ говорите, прекрасны. — Говоримъ вѣдь?

Ипп. Говоримъ.

Сокр. Стало-быть, они имѣютъ нѣчто тождественное, что

дѣлаеть ихъ прекрасными, нѣчто общее, находящееся нераздѣльно въ обоихъ и въ каждомъ изъ нихъ порознь; ибо не в. иначе, вѣроятно, и оба они, и взятыя отдѣльно, могли бы быть прекрасными. — Отвѣчай мнѣ, какбы ему.

Ипп. Отвѣчаю: и мнѣ тоже кажется, что ты говоришь.

Сокр. Стало-быть, если оба эти удовольствія, взятыя вмѣстѣ, имѣютъ какое-нибудь свойство, а которое-нибудь отдѣльно не имѣеть его, то не по этому, конечно, свойству они будутъ прекрасны?

Ипп. Да какъ это возможно, Сократъ, чтобы, тогда какъ ни то ни другое удовольствіе не имѣютъ какого-нибудь такого свойства, то самое свойство, котораго нѣтъ ни въ томъ ни въ другомъ, было потомъ свойствомъ обоихъ?

Сокр. Тебѣ не кажется? С.

Ипп. Я никакъ не могу понять ни природы этихъ удовольствій, ни значенія настоящихъ словъ.

Сокр. Какъ пріятно, Иппіасъ! А вѣдь мнѣ, должно быть, представляется, что я что-то вижу такимъ, хотя, если ты находишь это невозможнымъ, вовсе ничего не вижу.

Ипп. Не то что, должно быть, видишь, Сократъ, а намѣренно не хочешь видѣть.

Сокр. Да, конечно; чего-то предъ моею душою носится много, но я не вѣрю этому; потому что не представляешь того же ты — человѣкъ, своею мудростью выработавшій уже кучу денегъ, тогда какъ я, напротивъ, никогда ничего не вы- D. работалъ, и думаю въ себѣ, другъ мой, не шутишь ли ты надо мною, и не забавляешься ли обманываніемъ меня. Это мнѣ очень часто приходитъ въ голову.

Ипп. Никто лучше тебя не узнаеть, Сократъ, шучу ли я, или нѣтъ, если рѣшишься говорить, что носится предъ тобой. Тогда вѣдь откроется для тебя, что въ твоихъ словахъ нѣтъ ничего; потому что никогда не найдешь, чтобы, чего не имѣемъ ни ты, ни я, то самое имѣли оба мы.

Сокр. Какъ ты говоришь, Иппіасъ? Можетъ быть, твои е. слова и значать что-нибудь, да я не понимаю. Но послушай

меня, не будетъ ли яснѣе, что хочу я сказать. Въдѣ мнѣ представляется возможнымъ, чтобы то, что не есть ни я и мнѣ не свойственно, ни ты, было свойственно обоимъ намъ. И другое опять: чтобы свойственное обоимъ намъ не принадлежало некоторому изъ насъ.

301. *Ипт.* Опять чудеса въ твоемъ отвѣтѣ, Сократъ, и еще больше ихъ, чѣмъ передъ этимъ. Вникни-ка: если оба мы справедливы, то не каждый ли изъ насъ то же? или, если каждый изъ насъ несправедливъ, то не оба ли также? либо, когда оба здоровы, то и не каждый ли? Равнымъ образомъ, если каждый изъ насъ захворалъ, пораненъ, ушибся, либо потерпѣлъ что другое,—не потерпѣли ли мы того же самаго и оба? Да и это: если оба мы золотые, или серебряные, или изъ слоновой кости, или, когда угодно, благородные, мудрые, почтенные, старые, молодые, либо, что хочешь другое, между людьми бывающее; то не по крайней ли необходимости и каждый изъ насъ есть то же самое?

В. *Сокр.* Безъ сомнѣнія такъ.

Ипт. Ну такъ вотъ, Сократъ; на цѣлое-то въ вещахъ ты не смотришь, равно какъ и тѣ, съ которыми у тебя обыкновенно бываетъ разговоръ. Взявъ прекрасное, вы пробуете его и каждое сущее разсѣкаете своими рѣчами. Поэтому великая и сплошная по природѣ цѣлость сущности скрывается отъ васъ. То же скрылось отъ тебя и теперь; такъ что свойство или сущность ты считаешь чѣмъ-то либо въ обоихъ находящихся, а въ каждомъ нѣтъ, либо опять въ каждомъ находящимся, а въ обоихъ нѣтъ. Такъ-то вы нелогичны, неосмотрительны, простоумны и неразсудительны!

Сокр. Наше дѣло, Иппіасъ, таково, что, по ежедневной въ народѣ пословицѣ, не то дѣлай, что хочется, а что можется ¹.

¹ Не то дѣлай, что хочется, а что можется—οὐχ' οἷα βούλεται τις, ἀλλ' οἷα δύναται. Эту пословицу сохранилъ Свидя: ζῶμεν γὰρ οὐκ ὡς θέλομεν, ἀλλ' ὡς δύναμεθα, и прибавляетъ, что она относится ἐπὶ τῶν μὴ κατὰ προαίρεσιν ζῶντων κέχρηται (τούτω) Πλάτων ἐν Ἰππία. Не худо замѣтить, что при этомъ противоположеніи понятій—βούλεσθαι и δύνασθαι—никогда не употребляется глаголь ἐθέ-

Но ты своими внушеніями всегда помогаешь намъ. Вотъ и теперь, прежде чѣмъ тобою внушено, что мы были простодушны, я хотѣлъ показать тебѣ еще больше, сказавъ, какъ мы разсуждаемъ объ этомъ. Или не говорить? D.

Ипп. Ты будешь говорить знающему, Сократъ; потому что я знаю, каковъ тотъ, кто ведетъ свою рѣчь о чемъ бы то ни было. Впрочемъ, если тебѣ угодно, говори.

Сокр. Ужъ конечно угодно. Вѣдь мы, умнѣйшій человѣкъ, были такъ неумны, пока ты не сказалъ намъ объ этомъ, что думали о мнѣ и тебѣ, будто каждый изъ насъ есть одинъ; а это значить, что каждый изъ насъ есть что-то, и что слѣдовательно, каждый—не оба; потому что мы—не одинъ, а два. Такъ простодушны были мы! Но вотъ теперь ты ужъ научилъ насъ, что если мы два—оба, то необходимо быть двумя и каждому изъ насъ; а когда каждый—одинъ,—необходимо быть однимъ и обоимъ; ибо сплошному бытію сущности, по мнѣнію Иппіаса, иначе быть невозможно, но что—оба, то—и каждое, и что—каждое, то—оба. Теперь уже я сажу здѣсь, убѣжденный тобою. Напомни же мнѣ сперва, Иппіасъ, одинъ ли мы—я и ты, или ты—два, и я—два?

Ипп. Что ты говоришь, Сократъ?

Сокр. То, что говорю: вѣдь боюсь говорить ясно, чтобы ты не рассердился, когда что-нибудь покажется сказаннымъ на твой счетъ. Однакожъ, скажи мнѣ, каждый изъ насъ—не одинъ ли и не имѣеть ли свойства быть однимъ? 302.

Ипп. Конечно.

Сокр. Если же одинъ, то каждый изъ насъ не есть ли нечетъ? Или единицы не считаешь нечетомъ?

Ипп. Считаю.

Сокр. Такъ не нечетъ ли и оба мы—двое?

Ипп. Невозможно, Сократъ.

Сокр. Напротивъ, оба-то—четы. Не такъ ли?

λέει, но всегда *ῥοῦλεσθαι*. Причина заключается въ самомъ значеніи этихъ глаголовъ.

Ипп. Конечно.

Сокр. Но такъ какъ оба мы четы, то и каждый изъ насъ есть четъ?

Ипп. Ну, нѣтъ.

В. *Сокр.* Стало-быть, нѣтъ крайней необходимости, какъ ты теперь же говорилъ, чтобы, чтò оба, то былъ и каждый, или, чтò—каждый, то были бы оба.

Ипп. Да не это, а то, что я прежде говорилъ.

Сокр. Довольно, Иппіасъ; люблю, когда и одно такъ представляется, хотя бы другое было и нетаково. Вѣдь я уже говорилъ, если помнишь, съ чего началась эта рѣчь, что удовольствія чрезъ зрѣніе и чрезъ слухъ прекрасны не тѣмъ, *С.* чтò которому-либо изъ нихъ свойственно, а обоимъ нѣтъ, или что обоимъ свойственно, а которому-либо нѣтъ, но тѣмъ, чтò свойственно какъ обоимъ, такъ и каждому порознь. Да ты самъ тогда соглашался, что и оба эти удовольствія, и каждое порознь—прекрасны. Посему-то я думалъ, что если оба они прекрасны, то должны быть прекрасными именно по этому—по заключающейся въ обоихъ сущности, а не по тому, чего въ котормъ-либо изъ нихъ недостаетъ. Такъ я думаю и теперь. Скажи же мнѣ какбы сначала: удовольствіе чрезъ зрѣніе и удовольствіе чрезъ слухъ, если оба они прекрасны и каждое порознь, — не въ обоихъ ли ихъ, и не въ каждомъ ли порознь заключается то, что дѣлаетъ ихъ прекрасными?

Ипп. Конечно.

Сокр. И не по тому ли они прекрасны, что какъ то и другое, такъ и оба суть удовольствіе? Или по этому-то и всѣ другія были бы нисколько не меньше ихъ прекрасны? Вѣдь если помнишь, послѣднія представлялись нисколько не меньше удовольствіями.

Ипп. Помню.

Сокр. А между тѣмъ мы говорили, что эти-то потому прекрасны, что получаютъ чрезъ зрѣніе и слухъ.

Е. *Ипп.* Такъ и было сказано.

Сокр. Смотри же, правду ли я говорю. Говорено было,

сколько я помню, что пріятное прекрасно, но не всякое, а получаемое чрезъ зрѣніе и слухъ.

Ипп. Правда.

Сокр. Такъ это-то свойство принадлежитъ ли обоимъ, а каждому порознь не принадлежитъ? ибо каждое-то изъ нихъ порознь, какъ и прежде было говорено, бываетъ не чрезъ оба: вѣдь оба, конечно, чрезъ оба, но каждое порознь—нѣтъ. Такъ ли это?

Ипп. Такъ.

Сокр. Стало-быть, каждое изъ нихъ порознь не тѣмъ прекрасно, что не принадлежитъ каждому; ибо оба не принадлежатъ каждому порознь: такъ что самыя-то оба можно назвать прекрасными по предположенію, а каждое порознь невозможно. Или какъ скажемъ? не необходимо ли?

Ипп. Видимо.

303.

Сокр. Итакъ, оба мы назовемъ прекрасными, а каждое порознь не назовемъ?

Ипп. Что же мѣшаетъ?

Сокр. Мнѣ кажется, мѣшаетъ то, другъ мой, что у насъ были такія принадлежности каждаго порознь, которыя, если содержатся въ обоихъ, то и въ каждомъ порознь, а когда въ каждомъ порознь, то и въ обоихъ, — вообще все, что ты изслѣдовалъ. Не такъ ли?

Ипп. Да.

Сокр. А что я-то опять изслѣдовалъ, — нѣтъ. И къ этому относились—каждое само по себѣ и оба. Не такъ ли?

Ипп. Такъ.

Сокр. На которой же сторонѣ, Иппіасъ, кажется тебѣ, прекрасное? на той ли, которую ты опредѣлилъ? Если, то-есть, я силенъ и ты, то и оба; если я справедливъ и ты, то и оба, а когда оба, то и каждый порознь? Такимъ же образомъ, если я прекрасенъ и ты, то и оба, а когда оба, то и каждый порознь? Или ничто не мѣшаетъ, чтобы, когда оба образуютъ какой-нибудь четъ, — взятыя порознь, они образовали то нечетъ, то четъ, и чтобы, когда, взятыя порознь, они невыра-

зимы, — ставъ въ соединеніи обоими, сдѣлались то вырази-
ми, то опять невыразимыми ¹, — и такихъ вещей, какъ я ска-
С. залъ, носящихся предо мною, безчисленное множество? Такъ
на которой сторонѣ положишь ты прекрасное? Относительно
къ нему не то же ли представляется и тебѣ, что мнѣ? Вѣдь
мнѣ кажется большою нелогичностію, что когда оба мы пре-
красны, каждый порознь — нѣтъ, или, — каждый порознь пре-
красенъ, а оба — нѣтъ. Равнымъ образомъ и другое подобное.
Такъ ли скажешь, какъ я, или по прежнему?

Ипп. Такъ и я, Сократъ.

Сокр. И хорошо дѣлаешь, Иппіасъ, — чтобы избавиться
намъ отъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Вѣдь если прекрасное
D. относится къ этому, то пріятное чрезъ зрѣніе и слухъ уже
не можетъ быть прекраснымъ; потому что оно чрезъ зрѣніе и
слухъ дѣлаеть пріятнымъ оба, каждое же порознь — нѣтъ. А
это, Иппіасъ, какъ я и ты — согласились, было невозможно.

Ипп. Да, согласились.

Сокр. Стало-быть, пріятному чрезъ зрѣніе и слухъ нельзя
быть прекраснымъ; потому что иначе, сдѣлавшись прекрас-
нымъ, оно представлялось бы чѣмъ-то невозможнымъ.

Ипп. Правда.

Сокр. Такъ вы говорите опять сначала, скажетъ тотъ че-
ловѣкъ, потому что погрѣшали въ этомъ. Что же такое на-
E. зываете вы прекраснымъ въ обоихъ удовольствіяхъ, ради че-
го, предпочитая ихъ всѣмъ прочимъ, именуете прекрасными?
— Мнѣ-то кажется, необходимо отвѣчать, Иппіасъ, что это —
самыя безвредныя и наилучшія изъ удовольствій, берутся ли
они вмѣстѣ, или порознь. А ты имѣешь сказать нѣчто дру-
гое, чѣмъ они отличаются отъ прочихъ?

Ипп. Отнюдь нѣтъ; эти удовольствія существенно наи-
лучшія.

¹ Понятія: *выразимый, невыразимый* — *ῥητόν, ἄρρητον* — не то, что у математи-
ковъ величина соразмѣрная и несоразмѣрная, а скорѣе то, что на языкѣ
философскомъ называется истиною рациональною — *ῥητόν*, и нерациональною —
ἄρρητόν, или *ἄλογον*.

Сокр. Стало-быть, вы назовете также прекраснымъ и полезное удовольствіе? спросить онъ. — Выходить, скажу я. А ты?

Ипп. И я.

Сокр. Но полезное, скажетъ онъ, есть то, что дѣлаетъ добро; а дѣлающее и дѣлаемое, какъ уже было найдено, отличны одно отъ другаго; слѣдовательно, ваше слово не возвращается ли къ прежнему? то-есть, ни доброе не можетъ быть прекраснымъ, ни прекрасное—добрымъ, если то и другое изъ нихъ есть иное.—Всего болѣе, скажемъ мы, Иппіасъ, если только есть у насъ здравый смыслъ. Вѣдь непозволительно не соглашаться, когда говорятъ правильно. 304.

Ипп. Но что же, наконецъ, все это значить, Сократъ? обрывки и обломки рѣчей, раздробленныхъ на малѣйшія части, какъ я прежде сказалъ. Между тѣмъ, прекрасно и весьма цѣнно то, чтобы быть въ состояніи произнести превосходное слово либо въ судѣ, либо въ совѣтѣ, либо въ какомъ другомъ в. правительственномъ собраніи, къ которому могла бы быть обращена рѣчь,—произнести слово убѣдительное, имѣющее цѣлью принести оратору не маловажную, а величайшую награду, то-есть спасеніе его самого, его имущества и друзей. Къ этому надобно стремиться, распрощавшись со всѣми мелочными тонкостями, чтобы не показаться слишкомъ неразумнымъ, позволяя себѣ такіа дурачества и такую болтливость, какъ теперь.

Сокр. Ахъ, любезный Иппіасъ! блаженъ ты, что знаешь, чѣмъ долженъ человѣкъ заниматься и уже, говоришь, довольно занимался. А меня, какъ видно, держитъ въ своей власти какая-то сверхъестественная судьба. Я блуждаю и вѣчно въ с. недоумѣніи. Когда же свое недоумѣніе открываю вамъ, мудрецамъ, вы закидываете меня обидными словами, зачѣмъ открылъ его, ибо говорите то же, что и ты теперь, будто я занимаюсь глупостями, мелочами и ничего нестоящимъ дѣломъ. Но если опять, убѣжденный вами, я говорю то же, что вы, что, то-есть, гораздо лучше быть въ состояніи составить и

произнести превосходную рѣчь либо въ судѣ, либо въ дру-
D. гомѣ какомъ собраніи, то начинаю выслушивать всевозмож-
ныя укоризны и отъ другихъ здѣшнихъ гражданъ, и отъ того,
всегда обличающаго меня человѣка; ибо онъ весьма близкій
мой родственникъ и живеетъ въ томъ же домѣ. Поэтому, какъ
скоро прихожу къ себѣ домой, и онъ услышитъ, что я это го-
ворю, — спрашиваетъ: Не стыдно ли тебѣ смѣть разговари-
вать о прекрасныхъ дѣлахъ, если, столь явно обличаемый, отно-
сительно прекраснаго, ты не знаешь даже того, что есть пре-
красное. Какимъ образомъ будешь ты знать, прекрасно ли
E. кто составилъ свою рѣчь, или нѣтъ, либо какое другое дѣло,
когда не знаешь прекраснаго? Если же ты таковъ, то думаешь
ли, что тебѣ лучше жить, чѣмъ умереть? Итакъ, мнѣ прихо-
дится, какъ говорю, выслушивать и отъ васъ поношенія, и
отъ него укоризны. Но можетъ быть, нужно теперь все это;
ибо нѣтъ ничего страннаго, если отъ этого получу пользу.
И въ самомъ дѣлѣ, Иппіасъ, я думаю, что бесѣда съ обоими
вами мнѣ полезна; кажется, я понимаю, что значить посло-
вица: прекрасное—трудно.
